

Змеядержец

Говорящие с драконами

Змеедержец

Говорящие с драконами

«Автор»

2026

Змеедержец

Говорящие с драконами / Змеедержец — «Автор», 2026

Три брата - три простых парня. Любовь к живому миру - это всё, что они знают. Наблюдать и учиться - это всё, что они умеют. Выполнение обещания - это то, что стало их целью. А ещё... добыть настоящую огненную виверну, стать охотниками на изменённых Скверной существ, поступить в Воздушную Академию Её Величества Королевы и отыскать свою младшую сестрёнку, которую забрали маги. Про природу, животных, магию, увлекательные приключения и магических тварей. Про дружбу и человеческие ценности. Местами с пугающими подробностями. Без человеческой скверны, лишних соплей и выжимания эмоций. Герои будут говорить сами за себя! Приятного чтения!

© Змеедержец, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	47
Глава 9	55
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Змеедержец

Говорящие с драконами

Глава 1

— Ты когда-нибудь видела такой большой костёр, Илин?

Дом разгорелся удивительно быстро. Пламя поглощало крышу, вырывалось жадными языками через окна и щели между брёвен и бессильно лизало каменный фундамент.

Илин не отвечала на задорный вопрос брата. Она то ли с ужасом, то ли с восхищением глядела округлившимися глазками на разошедшийся пожар. По круглым щёчкам побежали блестящие дорожки, а маленькие ручки вцепились в мамкину юбку. Она не ныла и не хныкала, и даже не щурилась от света и жара огня. Только смотрела, пристально и неотрывно, будто не понимала, что происходит.

Кирик не стал донимать сестру. Он и сам не верил, что дом, в котором он родился и прожил счастливых двенадцать лет, сейчас, чернея и треща, превращается в угли. Никто не верил. Старшие братья хранили мрачное молчание, поглядывая на отца из-под нахмуренных бровей, но лица родителей выражали только решимость.

От грохота обвалившейся крыши вздрогнули все.

— Всё, идём, — глухо сказал отец, рывком отворачиваясь от зарева и направляясь вниз по пологому холму к уже собравшемуся деревенскому обозу, — Годур, бери волов. Марик, Кирик, на вас стадо.

Мальчики не нуждались в напоминании отца, каждый знал своё дело. Старший, Годур взобрался на телегу, гружёную семейным добром, и покриком направил волов вслед за отцом. Марик и Кирик запрыгнули на спины коренастых мохноногих лошадок и пустили их бодрой рысцой к рогатому деревенскому стаду. Там уже кричали и задорно посвистывали соседские мальчишки, которым и Беда стала поводом для потехи.

Чуть отстав от брата, Кирик обернулся на мать и увидел, как она, придерживая одной рукой огромный живот, подцепляет старыми вилами и насаживает на каменный воротный столб изуродованный и обугленный бычий череп. Этот символ-предупреждение люди узнавали чуть ли ни с младенчества — «Не подходи! Здесь поселилась Беда!». И каждый знал, что это, но никто не знал ей ни начала, ни конца.

Беда наступала бесшумно и незаметно, как бычья хворь, да только излечиться от неё было невозможно. Всё, что могли люди — сжечь всё, чего она коснулась. Из-за надежды, что Беда не пойдёт дальше, горели поля, леса и деревни. Годами селяне жгли всё вокруг, что несло на себе уродливую метку Беды, а она всё равно наступала и приходила в каждый дом на своём пути. Уродовала, пожирала, как невидимый огонь, но медленно и неотвратно. И захваченные ею земли чернели какой-то особенно отвратительной, пугающей чернотой, а люди и животные менялись.

Кирик не знал, как именно изменялись живые, он не видел. Видела его маленькая сестра, и теперь она молчала. Позавчера вечером она нашла в хлеву изуродованного Бедой быка. Его сожгли. Вчера собравшиеся в полях взрослые сожгли всё стадо, пасшееся на восточном склоне вместе с тем быком. А этим утром горела уже вся деревня...

С высоты холма Кирик окинул последним быстрым взглядом волнистые линии огней пожарищ, бегущие меж каменистых холмов, неровные пастбища, ещё покрытые густой зелёной травой, и извилистое узкое русло пересохшего ручья — все столь родные сердцу просторы по эту сторону от невысоких каменных стеночек, когда-то сложенных их же детскими ручками, и по ту сторону — лишь расползающиеся до горизонта выжженные чёрные проплешины,

которым не видно было предела, и поскакал догонять брата. До города нужно было добраться дотемна.

Городская стена показалась на закате. Высокое белокаменное ограждение поднималось выше стоящих чуть поодаль елей и уже сейчас внушало людям чувство защищённости. Эту преграду, протянувшуюся через широкое ущелье от одной отвесной скалы к другой, не обойдёт ни один заражённый зверь, и даже птицы сбиваются на подлёте специально обученными соколами. Кирик, запрокинув голову к гаснущему небу, пытался разглядеть их скользкие, как тени, силуэты, когда на пути идущего впереди обоза встал заслон.

— Куда прёшь, остолоп! А ну, развора... Разворачивай, тебе говорю! В город нельзя!

Городская стража даже близко к воротам не подпустила деревенский обоз, чуть ли не тыча пиками в растерянных крестьян и усталых волов. Поднялся шум, народ возмутился, грозил кулаками и требовал позвать начальника стражи, но тщетно. В город пустили только старосту, в сгущающихся сумерках отправив обозников ночевать в открытое поле перед стеной.

Кирик и его братья не жаловались — им не привыкать, ведь частенько гоняли в ночное, а лето в этом году выдалось необычайно тёплое для их гористой местности. Сидя у костра в кругу сверстников пастухов, они тихонько обсуждали столь скорый исход и всё то, что пришлось оставить в горящей деревне. Кто-то в спешке потерял свистульку, которой подзывал пастушьих собак, кто-то забыл в горящем доме вырезанную из дерева ещё дедом игрушку, а у кого-то пропала кошка.

— Это всё из-за Кор, — вдруг проворчал вполголоса, украдкой утерев от влаги нос, слабохарактерный Ярик.

Услышав свою фамилию, Кирик возмутился:

— А ну, повтори! Да погромче!

— И повторю! Всё из-за вас! Это в вашем хлеву нашли первого изменённого быка, значит вы и принесли в деревню Беду!

— Не говори ерунды, — отмахнулся от слов смутьяна старший пастух, — Никто не виноват в этом. Скотина сама принесла Беду, с пастбища.

Братья Кор кивнули ему с благодарностью, ведь самим ответить было нечего. Хотя смутьян не унимался, продолжая что-то ворчать себе под нос, его уже никто не слушал.

— Вообще-то, он прав.

Раздавшийся из-за спин пастухов тихий голосок заставил их повскакивать со своих мест. За кругом света костра стояла бледная маленькая фигурка с глубокими чёрными провалами на лице вместо глаз — так сперва всем показалось. Но Кирик сразу узнал сестру и протянул ей руку, подзывая к костру. Он был рад перемене в её настроении и тому, что девочка, наконец, заговорила.

— Что говоришь, Илин? Кто прав? — приобняв сестру, спросил он.

— Ярик прав, — пояснила девочка, — Беду в деревню принесли.

У костра повисла тишина. Ребята переглядывались, беззвучно советуясь, стоит ли верить словам мелкой пигалицы — а вдруг что выдумала?

— Тебе-то откуда знать? — наконец, решил уточнить старший пастух.

— Взрослые говорили, — Илин пожалла узкими плечиками, — Думали, что я сплю. А я больше не сплю.

— Не спит она больше, ха! И... что они говорили?

— Что Ворт-охотник, который умер на прошлой неделе, пожри его драконье пламя, нашёл в силках изменённую дичь, но из-за ранней стадии не заметил, пока не ощипал. А он ходит через восточное пастбище. И быка нашего по носу щёлкает. Развлечение у него такое: щёлкнет быка по носу и уворачивается от рогов, удаль свою испытывает.

Во вновь повисшей тишине Марик со стоном досады уронил лицо в ладони. Видно было, что Илин говорит не своими словами, она таких и не знала (где уж ей, пятилетке), а значит, не придумала.

— Слышь, Ярик, — невесело усмехнулся старший, — А Ворт-то — твой родич...

Смутяян обиженно засопел и отвернулся. Никто не хотел продолжать этот разговор, ведь кто бы ни принёс в деревню Беду — всё же нечаянно. Да и не принеси её Ворт-охотник, низенькая каменная стенка, которая защищала пастбища от дикого зверья, не сдержала бы изменённую птицу. Да и соколов, что должны оберегать деревню от несущих Беду, ещё весной скосила какая-то птичья болезнь, а на новых обученных у деревни денег не было.

— А ты правда больше не спишь, Илин? — спросил тихонько сестрёнку Кирик, — Что прям совсем-совсем?

— Угу, — кивнула девочка и шёпотом пояснила, — Как глазки закрою — всё его вижу...

— Быка изменённого?

Кирик, утешая, погладил по голове сестру, которая снова уставилась на огонь пугающим неживым взглядом.

— Нет. Того, кто его... *менял*.

Утром староста пришёл к стойбищу в сопровождении целой толпы людей: начальника стражи, старого мага не из местных, мастерового и взвода стражников. Сперва маг, приставив к одному глазу прозрачный камушек, внимательно оглядел пасущееся в поле стадо и телеги со скарбом, а после зашёл в разложенный за это время неподалёку шатёр. Людям же велели разбиться на семейные группы и встать в очередь на осмотр. Хоть народ и не противился, признавая необходимость этих мер, но стража строго следила за порядком: на входе с одной стороны шатра записывали имена и внешние особенности проверяемых, а на выходе с другой выдавали деревянные таблички с тут же наносимыми на них мастеровым именами и результатами осмотра. С этой табличкой уже можно было зайти в город, чтобы пообщаться с родственниками и знакомыми, договориться о ночлеге и даже продаже скота, или отправиться дальше в поисках приюта и места для новой жизни.

Осмотр шёл ровно и быстро, к полудню очередь дошла до семьи Кор. Заходили в шатёр сперва все мужчины семьи, после зашли женщины. И тут в шатре поднялся шум.

Уже прошедший осмотр отец ринулся было внутрь, но путь ему преградили стражники.

— Там моя жена и дочь! — прорычал Брут, перехватывая выставленные в его сторону пики.

Не успевший разгореться конфликт остановил выглянувший из-под полога маг.

— Пропустите, — коротко велел он и скрылся.

Прошмыгнув в шатёр следом за отцом, Кирик успел стать свидетелем того, как впервые на его памяти мать утирает слёзы. Она отстранённо смотрела строго перед собой и крепко сжимала ручку Илин, не отпуская её от себя ни на шаг.

«Что-то не так с Илин...», — тут же с ужасом понял Кирик.

Он не видел её за маминым животом, не мог определить, напугана ли она, но был готов схватить сестрёнку и бежать со всех ног к лошадям, чтобы спасти её, если понадобится. Пусть даже если её маленького тельца успела коснуться Беда, и пусть даже если придётся встать против воли родителей и кажущегося таким грозным мага.

Но взрослые не торопились с расправой. Немая сцена длилась несколько долгих мгновений. Отец хмуро ожидал объяснений. Мать не шелохнулась, пряча за юбкой Илин. Маг, устало вздохнув, опустил за свой стол и потирал виски.

— Каждый раз одно и то же.., — наконец, с раздражением проворчал он, складывая руки на груди, — Вы же понимаете, что эта «Беда», как вы её называете, коснулась не только вас!

Сердце Кирика дрогнуло, руки моментально похолодели, а голову охватил жар.

— Нет, я не это имел в виду, — поправил себя маг, взглянув на мальчика с лёгкой усмешкой в прищуренных глазах, — Эх, дерррревня...

— Объясните, наконец, толком, что происходит! — потребовал отец.

— Извольте! Ваша дочь — Видящая.

Магу казалось, что этим он всё объяснил, но Кирик не понял решительно ничего.

— Что это значит — «видящая»? — осмелился он задать вопрос.

Отец повернулся к нему, только заметив присутствие младшего сына, но промолчал и потупил взор.

— Это значит, молодой человек, что твоя сестра будет магом. Она отправится в школу, получит базовое образование и будет зачислена в одну из магических академий в соответствии со своим даром, а по окончании её поступит на службу в магический полк Её Величества Королевы и будет защищать наш мир от Скверны... Того, что вы называете Бедой.

— Она останется с нами, — пустым тоном медленно проговорила мать.

— Это закон, — столь же медленно возразил ей маг, — Либо вы её отпустите, либо вас ждёт наказание за сокрытие одарённой. Уж не знаю, как вам удалось обмануть проверяющего... К вам ведь приезжал маг, чтобы засвидетельствовать рождение твоей сестры?

Кирик не сразу понял, что вопрос был адресован ему. Чуть подумав, он рьяно замотал головой, но обмануть мага не вышло.

— Как нехорошо, молодой человек, — лукаво погрозил длинным узловатым пальцем маг, — Бесплезно врать Слышащему. Я слышу твои мысли. Так вот... Не знаю, как вам удалось обмануть проверяющего... и знать не хочу. Не создавайте проблем себе и своим детям. У вас же есть ещё три чудесных мальчика! Скоро будет ещё один ребёнок. Займитесь их воспитанием. О вашей дочери позаботится Её Величество. Попрошайтесь, у вас есть время до завтрашнего утра. Это всё.

Мать дёрнулась в сторону мага, но отец остановил её, положив руку на плечо, и тихо сказал:

— Калин, ты же знаешь, это бесполезно. Остановись.

Она замотала головой, уже не пытаясь скрыть побежавшие из глаз слёзы.

— Мама, — наконец, подала голос сама Илин, и он не показался Кирику испуганным или расстроенным, может, немного грустным — да и только, — Отпусти меня. Я поеду. У тебя будет новая дочь.

Мать, откровенно разрыдавшись, опустилась на колени и обняла Илин, и тогда Кирик смог разглядеть сестру, её бледное лицо, её по-прежнему широко раскрытые голубые глаза, будто застывшие в тот момент, когда огонь охватил их дом. Или, быть может, в тот момент, когда она увидела изменённого быка. Или «того, кто его *менял*»...

Это было ненормально. Её состояние было ненормальным, и объяснить это одним лишь пробудившимся даром Кирик никак не мог. Он буквально кожей ощущал, что отпускать сестру просто так нельзя.

— Я поеду с сестрой, — неожиданно даже для самого себя заявил Кирик.

— Исключено, — строго отрезал маг, — Корона не оплачивает обучение неодарённых. К тому же, тебе, молодой человек, уже поздно начинать обучение в школе.

— Я не могу её такой оставить...

Маг усмехнулся, подался вперёд, подперев подбородок сложенными в замок руками, и пристально взгляделся в лицо мальчика своим хитрым прищуром.

— Ну допустим, есть один вариант, при котором ты сможешь видеться с сестрой. Это... м... сложный, один из самых сложных путей для тебя. И опасных!

— Я готов! — ни на миг не задумавшись, хмуро и решительно Кирик сделал шаг вперёд, — Какой путь?

— Ты отправишься в Скальный Град и возьмёшь огненную виверну.

Голос мага слегка изменился, словно он не предлагал решение и даже не давал поручение, а просто констатировал скучный факт, как если бы всё уже было исполнено, и теперь лишь осталось составить отчёт, хотя почему-то и в будущем времени.

На момент в палатке воцарилась звенящая тишина, в которой родители Кирика в смятении переглядывались между собой и поглядывали на мага, ожидая, что он вот-вот рассмеётся. Но маг оставался серьёзен.

— Это безумие... — попытался возмутиться отец, но был проигнорирован.

— Запомни, молодой человек, именно огненную! – чётко повторил маг, — Затем прибудешь в центральный вербовочный пункт в столице и заключишь контракт на срок от двадцати лет с обязательным условием, — тут маг строго поднял указательный палец и нахмурился, — Четырёхлетнего обучения в Воздушной Академии! Обязательно! Не дай себя обмануть, ты имеешь полное право на бесплатное обучение в академии при наличии у тебя собственного прирученного крылатого существа! И твоя сестра пусть настаивает на обучении именно в этой академии. Ей отказать не должны... У тебя есть три-четыре года. Не торопись, но и не затягивай. Всё запомнил?

Кирик коротко кивнул. Масса новых названий не смутила его в такой важный момент. Он ещё не понимал, даже не догадывался, на какой в действительности сложный и опасный путь направил его старый маг, но чувствовал решимость не меньшую, чем проявили его отец и мать, когда сжигали дом.

Обняв сестрёнку за плечики, он сказал, выделяя каждое слово:

— Я обязательно тебя найду, Илин. Ты только дождись...

Илин вдруг улыбнулась братцу, и на миг ему показалось, что глаза её стали тёплыми и нежными, как прежде. Словно и не было никакой Беды и быка, и горящего отчего дома.

Ещё до вечера закончив все проверки и бумажную волокиту, старый маг поднялся из-за стола, но не успел покинуть шатёр, как к нему наведалься начальник городской стражи.

— Проходи, Ольвир.

— Магистр Сторн, — лёгким поклоном головы Ольвир Тис выразил своё почтение, — Позвольте сопроводить Вас до резиденции.

— Позволяю, — тепло усмехнулся старик, отправляя за спину седую добела косу, забрал со стола свой инструментарий, вышел из шатра под заботливо отведённым начальником стражи пологом и неспешно направился к городу, — Всё прошло спокойно?

— Так точно. Не считая маленького инцидента с одарённой девочкой.

— Уже доложили, значит.

Ольвир лишь коротко кивнул.

— Надеюсь, ты не станешь чинить несчастным людям никаких проблем.

— Ни в коем случае, Почтеннейший. По факту закон не нарушен, ведь девочке ещё нет шести... Но позвольте задать Вам вопрос...

— Не позволяю. Знаю я твой вопрос. Нет, я не уверен. И нет, не отправил. Точнее будет сказать — направил его внимание. А идти — это его решение. Нет, Ольвир, нет, ох... — старый маг тяжело вздохнул и остановился. Удостоверившись, что его не услышат лишние уши, он сделал вдумчивую паузу и сказал: — Ольвир, ты знаешь, что происходит. Стране нужны герои. А героев рождают испытания — настоящие смертельные испытания! И иногда нам приходится вмешаться, чуть-чуть, чтобы подвести людей к этим испытаниям ПРАВИЛЬНЫМ образом. Чтобы они не сидели до последнего по тёплым местам, безропотно принимая судьбу, и не сломались под гнётом своей «Беды», а обрели силу и стимул ей противостоять. Почему бы этим стимулом не стать любви, если она и так уже достаточно сильна? К тому же, мы, в сущности,

не сделали ни-че-го. Мальчик души не чает в своей сестре — это прекрасно! Это — его сила. А мы поможем ему стать ещё сильнее...

— Если он выживет... — мрачно отметил Ольвир Тис.

— Если он выживет, — спокойно согласился маг и, лукаво усмехнувшись, кивком указал на холм напротив стены, туда, где, образуя маленький круг и держа друг друга за плечи, стояли три брата-пастуха, — А ведь его шансы только что выросли втрое...

Глава 2

Поздним утром следующего дня к дому старшей сестры Калин, вдовы Валлы, давшей приют всему семейству Кор, подошли два мага: вчерашний старый и новый, молодой. Как ни уговаривала их радушная Валла, заходить в дом они не стали, сославшись на срочность ожидающих их дел. Конечно, даже Кирик, разглядывающий их через выходящее на улицу окошко и мало что понимающий в делах магов, видел, что никуда они на самом деле не спешат. Илин была готова к выходу ещё с раннего утра, но мать выводить её не торопилась. Всё изображала бурную деятельность по сборам, да всё поглядывала в окно, будто надеясь, что маги вдруг забудут, зачем пришли.

Не забыли. Терпеливо ожидали у порога с видом, будто это ожидание нисколько их не беспокоит, а лишь даёт повод к столь желанной передышке в бесконечной череде очень срочных дел.

Долго продолжаться так не могло, и под укоризненным взглядом старшей сестры Калин, наконец, вывела дочь из дому. Семья тут же обступила их полукругом.

— Позвольте представить — Берин Мил, — уважительно-прямой ладонью указал старый маг на своего спутника, — Ответственный по делам одарённых детей. Мастер Мил сопроводит юную Видящую в распределительный центр в Каменный Рог, где для неё подберут подходящую школу.

При упоминании незнакомого города мать обеспокоенно обернулась к мужу.

— Послушайте, господин... — сказал Брут.

— Магистр Сторн, — поправил его старый маг, отбив своим званием у отца семейства всякое желание спорить. Но всё же снисходительно пояснил: — К сожалению, в вашей области нет школ для одарённых детей, а учиться в обычной Илин не сможет. Но не беспокойтесь. В Каменном Роге ей будет предоставлено всё необходимое для жизни и обучения: своя комната, личные вещи, одежда, учебники, питание и помощь целителей. Она ни в чём не будет нуждаться.

Убедившись, что возражений больше нет, старый маг кивнул, и Берин Мил протянул девочке руку:

— Илин, верно? Ничего не бойся, дорогая, с этого момента ты под защитой Короны.

— Я не боюсь.

Илин вложила свою крохотную ручку в ладонь мага и последовала за ним, не прощаясь и не оборачиваясь, пока не скрылась из виду за поворотом улицы. А Магистр Сторн задержался. Из небольшой кожаной сумки он вытянул плотный листок с узорами письма и ярко-красной печатью и протянул его матери.

— Здесь говорится о том, что вы являетесь родителями одарённого ребёнка, — пояснил он, — И имеете право на беспроцентную ссуду в государственном казённом банке. Этот документ должен был выдать вам ещё проверяющий, но... мы опустим этот момент. Не игнорируйте эту возможность. Ссуда поможет вам выстроить новый дом и привести дела семьи в порядок. К тому же, в будущем по этому документу ваша дочь сможет найти вас где угодно. Корона заботится не только об одарённых, но и об их семьях. На этом всё.

Старый маг ушёл, и Кирик с братьями тут же пустились по улице в сторону, куда Ответственный по делам одарённых увёл их сестру, но пробежав несколько кварталов, нагнать его они так и не смогли.

Вдова Валла, живущая одна, уговорила сестру не покидать её в своём тяжёлом положении хотя бы до достижения будущему ребёночку нескольких лет, и со взятием ссуды на новый

дом решено было повременить. Мужчины быстро нашли себе в городе дело, ведь молодому и работающему везде открыты двери.

Отец семейства, Брут устроился к старому знакомому шорнику подмастерьем. Ответственного и серьёзного Годура, благодаря его немалому для шестнадцати лет росту и силе, взяли стражником, и теперь он гордо ходил в белом холщовом сюрко с пикой наперевес. Марик, бойкий, как молодой бычок, сговорился с охотниками и теперь нередко приносил домой дичь. А Кирик за свою ещё по-детски милую внешность угодил в помощники трактирщицы Дулин, которая его обожала, всячески баловала, но и продыху в работе не давала. По вечерам Валла учила мальчиков тому, чему сама обучилась у ныне покойного мужа-торговца — читать, считать и торговаться.

И не было ни дня, когда бы братья не вспоминали о данном друг другу обещании — добыть виверну и найти сестру.

Так пролетело полтора года.

— Эй, Годур! — Марик помахал стоящему на стене старшему брату тушкой только что подбитого им в лесу зайца.

Он дождался, когда брат разглядит его добычу в огромную линзу, установленную над воротами для проверки входящих на наличие Скверны, а затем в жесте одобрения поднимет копьё, и прошёл через городские ворота.

В вечерних сумерках Город встретил его необычными для зимнего времени столпотворением и суетой. По-походному одетые люди с копьями, луками и факелами в руках, выдыхающие сизый парок волы, запряжённые в нагруженные сани, и даже всадники на породистых высоких лошадях стояли прямо посреди улицы, привлекая к тому же внимание проходящих мимо зевак. Караванчики покрикивали на служек, поторапливая их с распределением саней, людей и животного, а зеваки — друг на друга, требуя разойтись и освободить место тем, кто ещё не всё разглядел.

Протискиваясь через всю эту толпу, Марик заметил в ряду саней одни, сильно отличные от остальных: укрытый сшитыми между собой волчьими шкурами высокий короб на невиданных прежде металлических полозьях. Сани были столь тяжелы, что полозья утопали в уплотнённом сотнями ног снегу не меньше, чем на два пальца, а запряжена в них была четвёрка мощных мохнатых волов. Возле саней стояли крупные угрюмые люди с мечами на поясах и один невысокий, тут же опознанный, как маг, в богатого вида лисьем плаще с надвинутым капюшоном.

Марик знал от старшего брата, что пика и алебарда — оружие против зверя, а меч — против людей. И мечники выглядели совсем не приветливо. Одно их присутствие оттесняло толпу зевак от странных саней, но любопытство Марика, как всегда, было сильнее осторожности.

— Слышь, мужик, это что? — спросил он ближайшего стража, попытавшись сдвинуть укрывающую сани шкуру.

Тот аж крякнул от подобной наглости, приподнял парня за ворот полушубка, развернул и пинком придал ему ускорение. Довольно аккуратно, не так, чтобы это можно было принять за агрессию, и Марик, оценив осторожность, с которой ему отказали в ответе, тут же вернулся, вновь встал перед стражем, и чуть ни наткнулся на поставленный перед его носом пудовый кулак.

— Проваливай, парень, — лениво пробубнил силач.

Выставив перед собой руки в знак примирения, Марик улыбнулся, отступил назад, поправляя узел с тушкой зайца на плече и как раз собрался обдумать другой план действий, как его остановил оклик.

— Эй-ей, парень! Пстой!

Горячая ладонь опустилась ему на плечо, даже сквозь одежду из шкур моментально разгоня по всему телу приятное тепло. Марик обернулся и встретился взглядом с удивительными медово-жёлтыми глазами.

— Продай зайца, друг! — доброжелательно улыбнулся маг и протянул ему медную мелочь.

— Ха! Нашёл дурака! — не поддался Марик на чары звонких монет, — Тебе сейчас хозяин двора вчерашнюю похлёбку из зайца продаст за серебрушку, а мне ты за только что бежавшего пару медяков предлагаешь.

От такого аргумента улыбка мага стала лишь шире, и Марик понял: сейчас пойдёт торг. Он был готов.

— Во дворе зайца выпотрошили, разделали и приготовили, потратили на это время, дрова и соль, а ты только в лес сходил! У вас же тут зайцев, как комаров летом! В пролесок зайдёшь — они стаями разбегаются! Ну ладно, возьми, вот тебе пять медных за зайца.

— Ишь, ты, пять медных! Я сейчас к хозяину схожу — без торга за двенадцать продам! А с торгом, так и за двадцать можно, сегодня же ему полный двор кормить! Да и что, что зайцев много? Ты сам хоть одного поймал? Только ходишь, распугиваешь!

Маг коротко хохотнул, приобнял молодого охотника за шею и потянул подальше от толпы, встал подле необычных саней и тихонько предложил:

— А я тебе Зверя покажу, — за десятку отдашь?

— Зверя? — растерянно переспросил Марик, а верно распознав знак в стрельнувших на сани глазах мага, потерял всякий запал к торгу. Не перевозят на металлических санях обычных зверей, им и деревянных достаточно, это Марик знал точно, от охотников слышал. И сейчас маг предлагал ему посмотреть на магическую тварь бесплатно! Да ещё и денег за зайца обещал. В последнем проблеске жадности парень пробормотал: — Двенадцать.

— Идёт.

Маг осторожно отвёл меховой полог так, чтобы в образовавшуюся прореху можно было просунуть голову, что тут же и сделал Марик, тщетно пытаясь разглядеть что-то в темноте.

— Смотри, — раздался шёпот у него над ухом, и вытянутая вперёд него рука мага вдруг засветилась мягким светом свечи, постепенно открывая взору толстые чёрные прутья большой клетки и лежащего на дне её существа, гладкую шерсть, всю покрытую красными бегающими волнами всполохов, завораживающими, тлеющими, словно угли костра.

Марик забыл, как дышать, лишь пристально вглядывался в диковинное существо, пытаясь распознать, где у того голова, где лапы и другие части, как вдруг, среагировав на свет, Зверь дёрнул шкурой и привстал. Всего мгновенье мальчик видел короткую морду и вперившиеся в горящую руку мага красные глаза перед тем, как маг рывком потянул его назад и задёрнул полог. Но этого хватило.

— Это какой-то тигр... — полусшёпотом озвучил Марик свою догадку.

— А ты внимателен, молодец, — подмигнул ему маг, — Тлеющий Тигр. Только тс-с-с-с... Ни-ко-му. Вот тебе за молчание. И за зайца.

Двенадцать медных монет отяготили руку молодого охотника. Марик протянул магу зайца, сжал деньги в кулак и помчался к Кирику рассказывать про Зверя, ведь на молчание уговора с магом не было.

В трактире Дулин народу тоже было немало, среди них Марик не заметил ни одного знакомого лица. И это было очень необычно для их маленького приграничного городка, даже летом не столь популярного среди торговцев и охотников. А сидящие за столиками мужчины в кожаных и меховых одеждах без особых изысков, разделяющиеся с едой собственными ножами, никем иным быть не могли.

— Что происходит? Откуда все эти люди? — спросил он тихонько Кирика, когда брат освободился на пару минут от беготни по залу.

— Охотники, — ответил Кирик.

— Это я и сам вижу, что охотники. Зачем они здесь? И почему так много? Будто облаву на стаю разъярённых медведей готовят.

— Ага, готовят. Только не на медведей... — Кирик заозирался и, склонившись к брату, быстро зашептал: — Они все здесь соперники. Приходят группами по несколько человек, друг с другом не общаются. Говорят между собой, будто в Нижнем Устье объявилась изменённая Тварь. Ищут проводника, который знает те места.

— Так это ж совсем рядом с нашей деревней...

— Вот именно...

Глаза парней засияли, как могут сиять лишь глаза двух людей, объединённых общей жаждой. Или жадностью.

— Я уже заметил вон-тех ребят, — Кирик кивнул в сторону зала, — За столиком под лосиными рогами. У них ножи дорогие и костяшки на руках не сбитые. А ещё среди них женщина.

— И что, думаешь, такие не обманут?

— Всяк обмануть может. Но у них хотя бы рожи не бандитские.

— И то верно, — усмехнулся Марик, разглядывая группу из четырёх охотников.

Ножи у них и впрямь были дорогие, с травлением на клинках, одежда добротная и опрятная, а речь не такая грубая, как у соседей. Такие, отдав пару-тройку серебряных, не обеднеют.

Подумав о серебряных, Марик вспомнил, зачем примчался к брату, и рассказал ему о необычной сделке с магом и об увиденном Звере. После рассказа Кирик стал молчалив и задумчив, а Марик понял, что это была не очень хорошая идея, ведь каждое упоминание магии и магических существ обращало его брата к памяти о сестре и данном ей обещании.

Прошло уже полтора года с тех пор, как Илин увели, а они с братьями ни на шаг не приблизились к своей цели. Ни торговцы, ни путники, ни маги, которых они встречали в городе, слухом не слыхивали о Скальном Граде, о котором говорил Магистр Сторн. И самого Магистра в городе с тех пор никто не видел. Годур пытался разузнать о нём у начальника стражи, но Ольвир Тис лишь отмахивался, говоря, что Магистр — человек крайне занятой и то, что он оказался в городе в тот день, было необычайной удачей.

— Может, этот маг знает что-нибудь про Скальный Град... — пробормотал себе под нос Кирик.

Марик стукнул себя ладонью по лбу и простонал:

— Я даже не подумал его спросить... Ладно. Завтра утром сходим на постоялый двор и спросим. И вдруг ему тоже нужен проводник?

—

Но утром ни в трактире Дулин, ни на постоялом дворе ни одного охотника уже не было. Лишь устланный навозом и следами копыт и полозьев снег не позволял поверить, что вчерашний вечер братьям просто приснился.

— Они ушли задолго до рассвета, — охотно поделился хозяин постоялого двора, — Все торопились поспеть вперёд других.

— А проводники? — спросил Кирик, — Им же нужны были проводники до Нижнего!

— Так нашли уже. Нечто на такое дело у нас не найдётся желающих? Мужики с вашей деревни и повели. Вон, Тогур-пастух повёл группу. Неужто и вы хотели в проводники навязаться? Да вас бы никто не взял, малы ещё.

— А кто повёл мага?

— Мага-то? Да никто. Зачем магу проводники? У него ж в клетке ручной охотничий Зверь! Он и сам, кого хочешь, проводит... до последних врат!

Хозяин двора расхохотался, но Марик оборвал его веселье:

— А когда он вернётся, не знаете?

— Маг-то? Да не вернутся они, через пастбища пойдут. Они к нам считай только за проводниками и заезжали. Обратно им крюк незачем делать.

— Но если магу проводник не нужен, зачем он сюда заезжал?

— А кто его знает? Может, встречался с кем? — пожал плечами хозяин.

Мальчики переглянулись и, не сговариваясь, помчались к городским воротам. Такой шанс упускать было нельзя, ведь когда ещё в их захолустье заглянет маг, работающий с магическими существами? Этот должен был знать хоть что-то про Скальный Град!

— Пойдём по следам полозьев! — набегу составлял план Марик, — У мага сани тяжёлые, не перепутаем! А если не распознаем, тогда догоним Тогур и пойдём с ним! Я знаю, каким путём он ходит к старым пастбищам в Нижнем Устье. Раз все эти люди охотятся на одно существо, то мы ещё можем успеть встретиться с магом!

Следы полозьев металлических саней действительно было легко распознать среди остальных, но лишь до тех пор, пока протоптанная в снегу дорога через лес не вывела на обдуваемые ветрами холмы. Здесь под лёгким слоем снега уже лежала плотная каменистая почва, и все следы стали одной глубины, порой и вовсе теряясь на голых камнях. Какое-то время Марик успешно определял след, а когда дорога снова нырнула в глубинку, понял, что нужных следов больше нет.

— Вот же... Скол! — Выругался он по-охотничьи, — Кажется, я где-то сбился! Вернёмся назад?

— Нет, давай за Тогуром! Иначе упустим всех.

Тогур со своей группой, тоже отягощённой санями, далеко уйти не успел, и когда мальчики на лесной дороге вышли им в спины на расстояние прямой видимости, то сбавили ход. Неизвестно было, как именно охотники отреагируют на присутствие посторонних, пусть и местных, пусть ещё и очень юных людей. Поэтому братья Кор старались идти тихо, прислушиваясь к звукам и разговорам впереди, как вдруг резкий скрип снега сзади заставил их, не сговариваясь, броситься в сугробы по разным сторонам от дороги. Кирик при падении неудачно угодил носом в незамеченный под снегом ствол поваленного дерева, и ему даже показалось, что слышал хруст.

— Тьфу ты, зайцы! — с наигранной досадой воскликнул человек в волчьей шкуре, замерший с луком в руках на месте, где только что стояли братья, — Что, не ожидали дозор? А ну, подымайтесь! Вы кто такие? Зачем за нами увязались? Отвечайте, пока я вас тут в сугробе не прикопал до весны!

В голосе мужчины слышалась строгость, но никак не угроза, и, хотя мальчикам нечего было скрывать, отвечать они всё же не торопились. Часть группы охотников отделилась от основной и направилась в их сторону. Среди них ребята опознали и Тогур — старшего пастуха.

— О! Марик, Кирик! А вы что тут делаете? — удивился он.

— За тобой идём, — насупившись, пробормотал Марик.

— А зачем? Э, Кирик, что с носом? Это ты его ударил?

Тогур гневно сверкнул глазами в сторону дозорного, и пусть старший пастух не казался сильным и умелым бойцом, но во взгляде его всегда жила сила укротителя быков. За то ему и доверяли шефство над подростками, и никто не думал баловать или не слушаться. Вот и взрослый охотник не стал нарываться.

— Никого я не трогал! — возмутился дозорный, — Сам ударился! Подтверди!

Кирик кивнул всем телом, чтоб не разжимать кровотокающий нос.

— Ну вот что, ребята, идите-ка вы домой. Здесь вам делать нечего. Здесь люди на серьёзное дело идут, не до ребяческих игр, — смирил гнев Тогур.

— Мы знаем, что у вас за дело! — воскликнул Марик.

— Вот как? И что же? — оскалился дозорный.

— Тварь изменённую убивать идёте. Но мы вам не будем мешать! Нам нужен только маг! Взявшие в кольцо мальчишек охотники дружно расхохотались, перекидываясь при этом подначивающими фразочками и привлекая внимание всей остальной группы:

— Им нужен маг! Нам бояться нечего!

— Пусть забирают, нам он точно не нужен!

— Похоже, отважные ребята открыли охоту на магов!

— Стоит убраться с их пути, пока они не забрызгали нас кровью!

Кирик и Марик молча стояли и сгорали от стыда, но отступить от своей цели даже не думали.

— Тоже мне, охотнички, — донеслась до братьев и женская усмешка, — Идите, пасите своих коров.

Унижения от женщины Марик стерпеть уже не смог.

— Я охотник! — твёрдо заявил он, — Такой же, как вы!

Но это лишь вызвало новый взрыв хохота и подколок, теперь даже Тогур посмеивался, качая головой.

Глава 3

Тогур поручился за братьев Кор, и им позволили остаться, но лишь до Нижнего Устья. Дальше охотники собирались разделяться и искать изменённую Тварь самостоятельно, а Тогур и мальчики должны были возвращаться обратно в город.

И конечно же, у братьев был свой собственный план.

К полудню группа встала на привал, чтобы дать еды и продыху волу, тянущему сани. Двенадцать охотников и три проводника — все, не сговариваясь, занялись делом: распрягли вола, накрыли шкурами и задали зерна, собрали хвороста, утоптали место под лагерь, разложили пару костров, поставили греться воду для отвара и для каши, расположились вокруг, занимаясь своими мелкими делами и ведя беседы. А Марик и Кирик с любопытством к ним прислушивались и подметили, что группа состоит из трёх команд, и объединяет их в данный момент лишь проводник.

— Как же здесь тихо, — пробормотала, поёжившись, сидящая напротив парней женщина, главная в той самой команде из трактира, которую заметил Кирик.

— Привыкай, Эхо, — ответил ей могучий смуглый охотник с прозвищем Ворон, в котором несложно было определить лидера объединённой группы, — Тут ещё полно жизни. Но чем ближе к Рубежу, тем меньше в лесах зверья и птиц. А на самом Рубеже вообще можно за месяцы не встретить ни захудалой мыши. Только бескрайняя чернота, в которой теряется даже рельеф местности. И звенящая тишина.

— И изменённые твари, — дополнил рассказ сухой Разбойник с бандитской рожей, почёсывая куцую рыжеватую бородку.

— Тварей на Рубеже не много, — возразил ему высокий седой голубоглазый старик Холод с уродливым шрамом вдоль лба от переносицы до волос, и сам его голос оправдывал данное ему прозвище — строгий и ясный, как зимний морозный день, — Там нечего жрать — всё сожжено. На той стороне, в Опустошении они жрут друг друга. А если пересекут Рубеж, тут им настоящее пиршество.

— Тогда почему они все сюда не лезут?

— Рубеж широк. Крестьяне десятилетиями жгут за собой всё, чего коснулась Скверна. Мальчики аж содрогнулись от того, как старик произнёс последнее слово.

А Ворон его поддержал и пояснил:

— Рубеж — это настоящая выжженная пустыня. В пути изменённые просто дохнут от голода, ведь Скверна постоянно их изменяет. У стайных Тварей есть шанс добраться сюда, если они будут жрать друг друга. Но это редкость.

— А насекомые? Птицы? Им же проще перелететь Рубеж?

— Насекомые мрут раньше, чем успеют измениться. Им не хватает массы. А птицы опасны, но на поздних стадиях изменения почти все они теряют способность летать.

— А как же реки? Изменённые рыбы не выбирают на берег?

На сей раз на вопрос женщины ответил Марик:

— Эх ты, охотница! Изменённых рыб не бывает! Бед... Скверна боится бегущей воды — это даже дети знают!

Охотники одобрительно усмехались, и Марик почувствовал вкус успеха.

— Поэтому по Рубежу, если приходится, мы передвигаемся по руслам ручьёв и рек, — согласно кивнул лидер.

— Только бегущая вода? — не унималась женщина, выдавая свою неопытность, — А как на счёт снега, дождя и озёр?

— Снег им нипочём, разве что замедлит, — самоуверенно махнул рукой Марик, — И рвы со стоячей водой проходят запросто. А вот дождь не любят, это да. Но дождь пройдёт, и они опять вылезут.

— Ты-то откуда знаешь, охотничек?

— Оттуда и знаю, что охотник! А вот кто ты, если основ не знаешь? Да и больно нежная ты для наших гор...

Мужики у костра снова заулыбались, а женщина недовольно цыкнула, но не стала отвечать. Вместо этого недоохотница, прищурившись, задала, как ей казалось, каверзный вопрос:

— А как же рыба в пруду? В пруду вода стоячая и рыба есть. Почему она не изменяется?

— У нас в приграничье прудов не роют и рыбу туда не пускают. А природные здесь — все проточные. А что не проточные образуются в ложбинках — те мужики камнями заваливают, что б судьбу не испытывать.

— Да ладно! Прямо все пруды заваливают?

— Заваливают. И пруды, и ямы, и каналы, и даже щели. По весне, как снег сойдёт, идут в обход всей деревней... Ну, теперь уж городом, идут по округе и каждую ямку осматривают, в которой вода скопилась. А ты как думала? У Рубежа жить — это тебе не стрелочками по зайцам за стенами метать, и поработать приходится! А в деревне ещё и скотину каждый день осмотри, птицу домашнюю, собаку да кошку распоследнюю, детей младших, да всё хозяйство — каждый куст, да каждую стеночку! И стенки сами строили, да каждый год подновляли, что б дикое зверье на пастбища не заявлялось, да мхом обкладывали, что б след видно было, а ну как изменённые? Вот только соколов у нас не было, померли, от одной птицы изменённой Беда... кхм... Скверна по деревне пошла. Пришлось всё жечь, да в город отступать...

Марик разошёлся, а охотники, наоборот, притихли. Слушали внимательно и хмуро. Никто давно уже не оспаривал подвиг простого люда, проводящего всю свою жизнь у Рубежа, держа его, словно фронт, водой, да огнём. За то-то их и от налогов освобождали.

— Как же вы живёте... — вздохнула смущённая от подобной отповеди женщина.

— Да привыкли так-то... — пожал плечами Марик и кивнул на котлы, — Кипит.

Охотники засуетились. В воду одного котелка они бросили крупу, а другого — незнакомые Марику травы, и он принялся.

— Это чтобы запах от людей отбить, — пояснил лидер группы.

— А у нас своё средство, — гордо заявил парень, достал из своего мешка маленький керамический пузырёк, подаренный местными охотниками, капнул из него на руку и размазал по открытым частям тела, после чего передал его Кирику.

Охотники разделили пищу, использовали свой отвар тем же образом и, затоптав костры, снялись с места.

—

Путь к Нижнему Руслу пролегал по вершинам цепи холмов, совсем близко к оставленной полтора года назад деревне. С холма, на который взойшла группа, не смотря на пасмурный день, можно было разглядеть обгорелые скелеты домиков, чернеющие из-под толстых снежных шапок.

— Вон наш дом! — указал Марик пальцем, рассказывая Эхо, как была устроена деревня; за несколько часов пути они успели примириться и уже не выясняли, кто из них больший охотник, — А вон там и стеночка... Кирик, смотри-ка, а стенка вроде почер...нела...

Парень осёкся на полуслове, когда понял, что и часть каменной стены, выглядывающая из-под сугроба, и сосновый лесочек на холме перед ней выглядят такими тёмными вовсе не потому, что зима укутала землю в мрачный контраст белых и чёрных тонов.

На это обратил внимание и лидер отряда. Он взял с саней лопату и скомандовал:

— Всем стоять! Холод, Кочка — за мной! Посмотрим поближе, то ли это, о чём мы все думаем...

Вся оставшаяся на холме группа с напряжением наблюдала, как разведотряд, обувшись в снегоступы, подходит по нетронутому снежному покрову к сожжённой деревушке. Немного не дойдя до первого дома, Ворон остановился, воткнул лопату в сугроб и, пока его товарищи внимательно осматривались вокруг, начал копать, а докопав до земли, снял рукавицу, достал из кармана прозрачный камушек, посмотрел в яму через него и подал знак, мотнув головой. Значит — чисто. Прошёл ближе к чернеющему участку стены, посмотрел на неё сквозь камень и снова принялся копать.

— Проклятый снег, растопи его драконье пламя! — с досадой стукнул кулаком по саням невысокий охотник с окладистой чёрной бородой, которого все называли Пнём, — Пока до земли докопаешь, Скверну подцепишь...

— Не подцепишь, она через снег не проходит, — успокоил его Разбойник, — Это даже лучше, чем голая земля: сложнее, но безопаснее.

— Разве могла она так быстро распространиться по земле? — спросил Марик, — Всего полтора года прошло!

— Даже меньше, — поддержал его Тогур, — В конце осени здесь ещё всё было нормально.

— По земле — нет. А вот если здесь побродила изменённая Тварь... — Разбойник ещё не договорил, как докопавший до земли и взглянувший через камень Ворон резко отпрянул от выкопанной им ямы, отзывая товарищей назад, — Всё. Приехали. Тварь может быть где-то здесь.

— Наверняка в развалинах прячется, — согласился Пень, — Удобное место.

Вернувшийся Ворон подтвердил, что земля в последней яме почернела от скверны, а не от огня, но так как следов на снегу нет, то не известно, здесь ли Тварь или ушла ещё до начавшегося три дня назад снегопада.

Дело шло к вечеру. Совет, собранный из лидеров входящих в отряд охотничьих групп, решил до утра не разделяться, а встать лагерем прямо на холме. Благо, погода стояла тихая и безветренная. Проводников решили тоже пока не отпускать, а воспользоваться их знанием деревни, когда поутру начнут её зачистку.

Несколько человек встали в дозор наблюдать за окрестностями, остальные принялись раскладывать лагерь и костры. Но не успели зажечь, как один из дозорных, указав на подножие холма, встревоженно крикнул:

— Чёрная тень!

Все всполошились, хватаясь за оружие и натягивая тетивы на луки.

— Зажечь факелы! — зычно скомандовал Ворон, — Подготовить масло!

Сорвав тент с саней, Пень начал доставать факелы, поджигать и передавать их охотникам, а Разбойник осторожно выволок на снег небольшой деревянный бочонок и скovyрнул ножом восковую пробку, готовясь в любой момент разлить содержимое бочонка по склону или на саму Тварь и поджечь. Кирика и Марика мужики подцепили за ворота и, как кабаньи тушки, водрузили на сани, строго наказав не делать глупостей. Туда же с луком в руках встала Эхо. Через полминуты готовые ко всем неожиданностям люди замерли, напряжённо вглядываясь в ранние сумерки.

— Ну, что там? — спросил дозорного Ворон.

— Пока не видать...

— Ну, Кочка, ну, если ты ошибся, я тебя вместо Твари и сожгу...

— Отвали, Ворон! Лучше я ошибусь, чем решу, что показалось, и промолчу!

Ответить на это Ворону было нечего, и он лишь раздражённо дёрнул щекой. Охотники продолжали оставаться настороже до самой темноты. Постепенно напряжение спадало, в обувь и под шубы пробирался мороз, а руки немели, и уже разуверяющиеся в остроте зрения Кочки

мужики начинали один за другим опускать факелы, всё больше недобрых взглядов кидая на горе-дозорного.

Раздавшийся за спинами охотников отчаянный хриплый крик "мяу" заставил их подпрыгнуть на месте, развернуться в воздухе и ошалевшими глазами уставиться на угольно-чёрный комок, прижавшийся к одному из полозьев саней. Пики, луки и факелы замерли, направленные в сторону маленького чёрного существа.

Кирик осторожно заглянул под сани, как маленькие напуганные дети заглядывают под кровать, и воскликнул:

— Это ж Поганка! Соседская кошка!

Существо не двигалось, только жалось к саням, сверкая в свете факелов огромными жёлтыми глазами, и иногда издавало истошный вопль. Ворон медленно достал из кармана свой прозрачный камушек и взглянул на кошку через него.

Разглядывал долго, пристально, пару раз меняя глаза, но в итоге выдал, полное изумления:

— Ну надо же! Не изменённая!

Кошку накормили вяленным мясом, которое она умяла мгновенно и с яростным рычанием, засунули в холщовый мешок и уложили в сани между шкур. Несмотря на положительный результат осмотра, никто не рисковал прикасаться к ней, не то, что гладить. Но и оставить это чудо на практически верную гибель люди не смогли. Решили, если с утра изменений не выявится, признать кошку здоровой и отправить с парнями в город.

Собравшись за костерком, охотники гадали, как она умудрилась выжить в таких жестоких условиях.

— В то, что кошка выживала полтора года в одиночестве, я ещё поверю, — рассуждала Эхо, — мех у неё вроде хороший. Нашла себе какую-нибудь щель, грелась там, спала, выходила помышковать. Но вот как она умудрилась не подцепить Скверну? Это загадка. Вроде обычная кошка, не магическое Существо и огнём не дышит...

— А может, она, как Видящие? — предположил Кирик, — Ну, видит Скверну и обходит её...

— Нет, Кирик, тогда бы это уже было магическое существо.

— Ну почему же? — возразил Ворон, — Мы же по разным признакам понимаем, какое место подверглось влиянию Скверны, а какое — нет. Может, и кошка научилась определять, пока жила с крестьянами. Да и нюх у неё не хуже, чем у собаки. Живое от мёртвого отличит.

— Изменённое не мертво, — проникновенно-ледяным тоном выдал Холод, заставив всех у костра дёрнуть плечами, — Изменённое просто перестаёт быть живым.

— Главное, что запах меняется.

Спали, на снегу, плотно завернувшись в шкуры по несколько человек, периодически меняя дозорных, и к утру Кирик, не привыкший к зимним походам, чувствовал себя совершенно разбитым. Но виду старался не подавать. Марик же, напротив, вёл себя преувеличенно бодро, раздражая окружающих своей прытью и энтузиазмом, поспевая в каждое дело внести свой, порой не вполне уместный, вклад.

Оставив Пня и братьев Кор присматривать за лагерем и волами, охотники отправились на зачистку деревни, снова вооружившись факелами, пиками и луками, а за спины убрав бурдюки с заготовленным маслом. Снегоступы были не у всех, поэтому шли цепочкой по одному. Впереди шёл Ворон, как самый опытный охотник на Тварей, за ним след в след Тогур, под-

сказывал путь, в середине пикинёры, а замыкали цепочку лучники. Шли медленно, оружие держали наготове, вслушивались в звуки шагов, и вертели головами по всем сторонам.

С холма на деревню открывался хороший вид, и мальчики внимательно наблюдали за действиями отряда, а взявший над ними шефство Пень, как мог, немного неловко их пояснял:

— Это, значит, чтобы не провалиться под снег. Если первого снег выдержал, остальные идут по его следам. Да и проще так, по утопанному. А коль кто оступится, ему тут же помогут.

Братья переглянулись, улыбаясь.

Когда охотники дошли до первого дома, Ворон велел всем рассредоточиться. Полукругом обступая развалины, люди направили оружие в их сторону и осторожно подходили ближе, а сам Ворон поманил за собой Холода и перемахнул сугроб, который намело перед обгоревшей стенкой, окружающей двор.

— Ага, вот окружают, чтобы, значит, Тварь не сбежала, если она там...

— Дядь, — усмехнулся Марик, — Расслабься, мы знаем.

— Ага...

Через несколько минут Ворон и Холод выбрались обратно и направили группу к следующему дому. Так они обходили дворы один за другим, осматривая руины пожарищ и вскоре скрылись за очередным поворотом единственной улочки.

Марик присел к начавшему затухать костру, подбросил пару поленьев и поворошил угли, чтобы быстрее разгорелось. Первоначальный план, составленный братьями, вот-вот мог пойти прахом. Ведь маг наверняка ищет изменённую Тварь где-то у Нижнего Русла, а что, если она и впрямь прячется здесь? Вздохнув, Марик спросил:

— А что потом? Вот найдут они Тварь и сожгут, и тогда вы все уйдёте? В Нижнее Русло не пойдёте? И в город не вернётесь уже?

— Если Тварь изменённая здесь, то да, уйдём, — задумчиво глядя на паренька и поглаживая бороду, ответил Пень, — В город возвращаться нам не с руки, это два лишних дня пути... М-да... Но кто знает, как старшие решат. По-хорошему, конечно, здесь надо бы снова всё обжечь.

— Это уже дело наше. По весне, как снег сойдёт, да холмы подсохнут, всё и обожжём.

Пень тоже подсел к костру и неожиданно предложил:

— Хочешь, пойдём с нами? Ты, конечно, ещё маловат для настоящей охоты, но лагерь держать умеешь, знания кой-какие у тебя есть, да работы не боишься... Нам не мешает такой помощник. Я перед Вороном за тебя словечко-то замолвлю...

Марик понял, что охотник воспринял его слова как-то не так. Хотя предложение Пня и пришлось ему по душе, но обещание, данное братьями друг другу, было важнее.

— Смотрите! — вдруг воскликнул Кирик, встал на сани и указал рукой в сторону деревни, — Там, в доме Ворта-охотника! Что это на трубе? Видишь?

Марик с Пнём подскочили.

— Где, не вижу! Который дом! — затребовав Пень.

— Тот, который с медвежьим черепом на столбе! Крайний слева, на взгорке у леса! Там только труба от печи и торчит вместо дома! А что на ней сверху, как пузырь надулось? Раньше этого не было!

Наконец, поняв, куда смотреть, Пень пристально взгляделся, шуря карие глаза, вдруг дёрнулся назад, как от удара, побелел весь, что-то нечленораздельно проблеял и бросился к саням, достал оттуда бычий рог и что есть мочи затрубил. Над холмами разнёсся протяжный и неровный трубный звук. Затем ещё один. И ещё.

Пень трубил, покуда из-за домов не показались всполошённые охотники, и тогда Кирик, указывая рукой на трубу закричал, что есть мочи:

— Вооооооррт! Вооооооррт!

Охотники встали, начали озираться.

— Не понимают! — определил Марик и рванул было к ним.

Но Пень схватил его за шкуру, отбросил себе за спину и приказал:

— Сидеть! Сейчас поймут...

Он снова приложил рог к губам и начал выдувать сбивчивые короткие сигналы, в которых братья Кор не сразу распознали ритмы старой похабной песенки про пьяного охотника. Мужики в отряде принялись обсуждать услышанное, и, наконец, всё поняв, Тогур указал им путь к дому Ворта-охотника. Но осторожно подступив и окружив развалины, охотники вновь застыли, бестолково оборачиваясь на лагерь. Ворон ходил вокруг, рассматривая развалины через камень, но не поднимал взгляд на трубу.

— Ну-ка, мальчики, давайте сыграем в "Угадай слово"! — нашёлся Пень, поджёг факел и вручил его Марику, — Я покажу крышу, Марик, ты покажешь трубу, а ты, Кирик, возьми пику, укажи на трубу!

Так они и сделали: Пень присел на корточки и сложил руки над головой в форме крыши, Марик встал за ним и выставил вверх руки с зажатым в них горящим факелом, "пристраивая" к крыше трубу, а Кирик, не слезая с телеги, наставил пику на факел.

— Сработало! — обрадовалась находчивая троица.

Охотники дружно бросились врассыпную от развалин, указывая на трубу. Но под жёстким руководством Ворона все тут же организовались и начали готовиться к бою. Лучники открыли бурдюки с маслом, макали в них наконечники стрел, поджигали и отправляли в сторону трубы, из которой, всё раздуваясь, словно зоб лягушки, вылезал отвратительный красночёрный бугрящийся пузырь. А остальные охотники ринулись разгребать снег и обугленные остатки крыши и стен, освобождая подступ к топке, при этом постоянно подбегали к торчащему рядом в сугробе факелу и омывали рукавицы в огне.

— Смотрите, оно ещё сильнее раздулось, — прошептал Марик, — Что это такое? Почему стрелы его не берут?

— Вам лучше не смотреть на то, что будет дальше, ребята.

— Ещё чего! И пропустить самое интересное? Ну уж нет.

— Ну ладно, — сдался Пень, крепко обхватывая ребят за плечи, — Только потом не жалуйтесь мамке, что старый Пень вас не предупредил, когда будете ссать в кроватки по ночам.

Глава 4

— Ворон! Стрелы его не берут!

— Продолжайте обстрел! Цельтесь в красные зоны! Они ещё не изменённые! Бивень, помоги убрать эту балку!

Невысокий, но очень крепкий и широкий в плечах охотник со сломанным носом в одиночку подхватил массивное обгоревшее бревно, бывшее когда-то матицей, и, рыча, краснея от натуги, отвёл его в сторону вместе с толстой шапкой снега и остатками обгорелой крыши, бросил и отскочил. Его тут же опалили факелами со всех сторон, касавшихся бревна. Подход к топке был освобождён.

— Разбойник, давай масло! — велел Ворон, закидывая в топку не догоревшие в пожаре угли.

Затем щедро залил их Чёрным маслом, обдал факельным огнём, — и полыхнуло. Чтобы жар пошёл в дымоход, он закрыл топку, распахнул поддувало и отодвинул задвижку дымохода. Затем отбежал подальше от печи, не забыв обдать себя огнём, стянул рукавицу, достал магический камень и принялся осматривать через него всех принимавших участие в разборе завала охотников. И лишь убедившись, что никто из них не несёт следов Скверны, Ворон обратил своё внимание к печи.

Энергия скверны, которую позволяла увидеть Драконья Слеза, настолько пропитала трубу, что была видна даже сквозь каменные стенки — редкие, но всё же заметно проступающие на фоне белого снега непрерывно шевелящиеся, переплетающиеся тонкие чёрные нити, прощупывающие пространство в поисках новой жертвы. Из-за перекрытого Тварью дымохода печь начала протекать через поддувало и щели струйками густого чёрного дыма, который выделяло горящее Чёрное масло. Сильный жар заполнял трубу, и нити Скверны, чувствуя близость огня, стали пропадать. Словно почуявшая неладное улитка, Скверна, как в раковину, втягивалась в своего изменённого носителя.

Это было необычайной удачей, найти изменённую Тварь раньше мага, да ещё и в таком обезоруженном положении — застрявшей в печной трубе! Ворон поставил бы на кон свою Драконью Слезу, что Тварь залезла туда в погоне за кошкой, упёрлась в узкое место, где кошка пролезла, а она — нет, а вылезти обратно не смогла, и теперь изворачивается, как может, буквально выдавливая себя из трубы очень неудачным образом, сдирая при этом остатки почерневшей шкуры и обнажая чёрное с красным мясо и внутренности.

— Сейчас-то мы ей в этом и поможем, — довольно пробормотал себе под нос Ворон.

Чем сильнее разогревалась труба, тем рьяней Тварь рвалась наружу, теперь уже выгаливающая себя рывками с отвратительным звуком разрывающейся шкуры, а вскоре послышался и треск костей, и показались торчащие из-под плоти острые грани сломанных рёбер и позвонков. Тут-то всё и пошло наперекосяк...

В ужасе перед жаром и огнём Скверна начала усиленно изменять носителя прямо в трубе. И оставив попытки вылезти, Тварь прогрызла путь наружу через самое слабое место — сквозь себя саму.

Кровь и осколки костей брызнули фонтаном во все стороны, чудом не забрызгав охотников, и из нутра Твари показалась облезлая голова с оскаленными пастьями в две стороны: в одну сторону смотрела волчья, а в другую - узкая, безногая, с выдвинутыми вперёд массивными, как самодельные каменные ножи, зубами. Не тратя времени зря, она с рычанием и клочкотанием просто рвала на куски своё собственное тело и заглатывала, а Скверна тут же встраивала их в новую форму, пока ещё скрытую за клубами повалившегося прямо сквозь неё дыма.

— Стреляйте в глаза! В глаза! — чуть запоздало закричал Ворон.

Эхо выпала из охоты, согнувшись в сторонке в остром приступе неприятия завтрака, но через полминуты взяла себя в руки, достала новую стрелу, сунула её в утопленный в сугробе бурдюк с маслом, подожгла от факела и, сосредоточившись, поразила налитый кровью глаз Твари. Обе пасти изменённого существа тут же раскрылись под неестественным углом, а округу пронзил жуткий визг, напоминающий металлический скрежет и пронзающий сознание людей. Горящая стрела засела глубоко в глазнице, но этого оказалось недостаточно.

То, что, судя по форме основного черепа, было когда-то волком, наконец, вырвалось из ловушки и бесформенным кровавым кулём повалилось за печь, скрываясь от охотников в чёрной завесе дыма.

— Поджечь пики! — скомандовал лидер и первым, облив своё оружие Чёрным маслом, породнил его с огнём, — Окружаем! Окружаем! Лучники, держитесь на расстоянии! Проклятая Скверрна, ни хрена не видно...

— Может, сделаем огненный круг? — предложил один из спутников Эхо — Морис.

— Да какой круг на таком снегу? Один дым и будет! А дым только этой Твари на лапу... или что там у неё теперь вместо лап... Сгоняем её к пожарищу! Пригвоздим к матице и сожжём!

Из дыма донесся треск и скрип снега совсем не там, где охотники ожидали застать Тварь, а в следующий момент звук повторился уже с другой стороны. Затем снова сместился к трубе.

— Она прыгает! — закричал Разбойник, оказавшийся в этот раз ближе всех к Твари и сумевший разглядеть сквозь дым её промчавшийся мимо силуэт, — Как кузнечик!

Чёрная тень взметнулась на вершину трубы, и теперь все охотники увидели изменённую Тварь: лишённое шкуры, тощее, двухмордое существо с коротким изломанным телом и тонким змеевидным хвостом, огрызками передних лап и вывернутыми, как у прыгучего насекомого, мощными задними. Выглядела она жутко и отвратительно, но была уже истощена изменениями и голодом. Тварь вертелась на трубе, пытаясь разглядеть путь к отступлению единственным оставшимся глазом, и, видимо ей это не помогло. На голове начали появляться крупные язвы, края их расходились в стороны, обнажая блестящие чёрные глазки. Не такие, как у зверей, а больше напоминающие паучьи. Они подслеповато пялились в пространство, не двигаясь и не моргая, и Тварь застыла сама.

— Не стрелять! — остановил Ворон спохватившихся стрелков, — Ветер, болас! Опустить маски!

Ловкий и лёгкий, как кот, лучник отбросил свой лук и, подхватив самодельный кожаный болас с камнями на концах, закрутил его и начал подкрадываться ближе к Твари. Остальные охотники в это время опускали из-под капюшонов и надёжно закрепляли на лицах охотничьи маски для ближнего боя с изменёнными существами, защищающие от брызг поражённой Скверной крови и слюны.

Почувствовав изменения в обстановке, Тварь коротко пророкотала на две глотки и сорвалась с места в длинном прыжке с намерением перемахнуть через кольцо оцепления. Но Ветер не зря носил своё прозвище: неуловимо быстрым движением он запустил болас точно в движущуюся цель, и Тварь с опутанными ногами ухнула в сугроб, полностью в нём утонув. Оказавшиеся ближе всех охотники ринулись к яме, проделанной ею в снегу, подцепили верещашую и бьющуюся в попытках вырваться Тварь горящими крюками на пиках, вытянули на наст и потащили к пожарищу, не позволяя ей контролировать движение. Там её приподняли на крюках и, бросив на бревно матицы, пришили к нему пиками, проткнув насквозь через шею, грудь и задние лапы. Противный, скрежещущий крик Твари захлебнулся в крови, но змеевидный хвост бешено метался по сторонам, хлеща по охотникам и сбивая их с ног с невероятной для столь небольшого и ослабленного существа силой, пока Бивень не исхитрился перебить его мощными ударами булыжника, отколовшегося от фундамента. Хвост отрубили и отбросили в сторону, чтобы не прирос обратно, свободные лучники облили его маслом и подожгли. Следом за хвостом облили и подожгли и саму Тварь.

Всё время, пока она горела, корчась и съёживаясь в огне, как старый кожаный ботинок, дежурные охотники не спускали с неё глаз, в любой момент ожидая какой-нибудь пакости. А остальные проводили тщательнейшую обработку одежды огнём и осмотр друг друга через Драконью Слезу. И только, когда Ворон, взглянувший на догорающий труп через магический камень, подтвердил, что Скверна выжжена, охотники разразились радостными воплями.

— Не расслабляйтесь, мужики, — прервал их гомон Ворон, — Волк — животное стайное. Эта тварь может быть не одна...

Тут же притихшие охотники принялись озираться по сторонам, а Ворон, рассматривая через камень следы на снегу и время от времени обжигая их факелом, продолжил:

— Так что собираем вещи и начинаем обход деревни заново. До заката ещё далеко. Вот как отработаем, так и отметим.

Новых проблем во время обхода не возникло. Охотники продолжали соблюдать осторожность и действовали по старому плану: окружали очередные развалины, Ворон с Холодом забирались во двор и осматривали всё с помощью камня. В паре домов пришлось прижигать слишком явные следы Скверны разрастающиеся по обгорелой древесине, как чёрная, шевелящая ворсинками плесень. Но в остальном всё прошло быстро и спокойно, и незадолго до заката охотники возвратились в лагерь.

Там заботами Пня и парней их уже ожидала горячая похлёбка и вода, чтобы омыть грязные руки и закоптившиеся лица. Но Ворон не позволил охотникам подходить к кострам, пока снова тщательнейшим образом не осмотрел каждого из них, заставляя снимать верхнюю одежду и обувь. Прошедшие проверку довольные и голодные бросались на еду, как изменённые, обжигаясь, но враз сметая всё, что наложили им в миску. И даже воспоминания о Твари не портили им аппетит.

Для Эхо и её спутников эта охота на Тварь была первой. Они испытывали гордость и удовлетворение от того, что не сплеховали при виде изменённого существа и смогли доказать свою полезность в непростом деле охотников на Тварей. Теперь никто не смеялся над вопросами Эхо, и каждый охотно делился своим опытом и хитростями в разговорах у костра, а когда собралась уже почти вся компания и начала делиться впечатлениями о произошедшем за день, не раз отмечался удачный выстрел единственной в отряде женщины, серьёзно ослабивший изменённую Тварь.

— Выходит, — крикнув, подвёл итог Пень, — Ты теперь настоящий Сквернобой, Эхо! Или настоящая Сквернобойка?

— Сквернобойница! — подхватили забаву мужики, — Сквернобойщица!

Эхо лишь с улыбкой покачала головой, понимая, что рано радоваться тому, что её приняли в кругу охотников, теперь надо ещё доказать, что она в этом кругу не последняя.

— Что за Сквернобой? — разбавил Кирик веселье своим вопросом, — Я о таких не слышал...

— То особые охотники на изменённых Тварей, парень. Лучшие из лучших! — хлопнув мальчика по плечу, ответил Разбойник, и мужики за костром согласно закивали, — Они проходят специальный отбор и встают на довольствие. Корона обеспечивает их не хуже магов. И оружие, и технические устройства поставляет, и помощь целителей оплачивает — все блага!

— Зато они и работают в таких условиях, где мы, простые охотники, не справимся, — перебил его Ворон, отпустивший последнего охотника с осмотра, — Холод, глянь меня!

Разбойник вынужденно согласился:

— Ну, да. Если где завелась особо опасная Тварь: крупная или крылатая, или быстро агрессивная, а то и скопление тварей, которые не по плечу местным охотникам, — то ответственные лица пишут в областной магистрат или напрямую в Орден Сквернобоев, и они направляют своих людей.

— А как вы узнали, что здесь завелась Тварь? — заинтересовался Марик, — Даже мы, городские, не все знали, а вы целыми толпами прибывали в один день!

— Хах! А как же нам не знать? То — наш хлеб! — уклончиво ответил Разбойник, хитро подкручивая рыжий ус.

И по таинственным улыбкам и переглядываниям остальных охотников мальчики поняли, что у каждой группы был или есть свой источник, который они не торопятся раскрывать.

Между тем Пень достал из мешка разбушевавшуюся кошку Поганку, которая ещё утром была признана абсолютно здоровой, но убрана обратно, чтобы не мешалась под ногами. Этот чёрный мурчащий комок моментально завладел вниманием всех у костра. Каждый тянул руки, чтобы запустить их в густую шерсть и убедиться в том, что такой пушистый зверь имел все шансы выжить вне натопленного дома в лютый зимний мороз.

Пытаясь дотянуться до кошки через толпу, Кирик оступился и чуть было не полетел на горящие поленья, но его вовремя подхватила жёсткая и цепкая рука старика Холода. Мальчик хотел поблагодарить за помощь, но Холод резко отвернулся и ушёл вниз по холму, сверкнув в надвигающихся сумерках красным всполохом в руках.

Кирик огляделся, хотел спросить Ворона, куда направился старик, но и Ворона в лагере не оказалось.

— А где...

— Спокойно, — тихонько и вроде бы доброжелательно велел Разбойник, крепко сжав плечо мальчика, — Присядь, а то опять споткнёшься.

Кирик поддался давлению и опустился на шкуру у костра, ожидая объяснений, но их не последовало. Разбойник сел рядом и пристально следил за парнем, не выпуская из хватки его плечо. Обернувшись на остальных охотников в поисках поддержки, Кирик заметил, что часть из них действительно ничего не замечает за общением и тисканьем кошки, но некоторые встречались с мальчиком быстрыми взглядами и странно прятали глаза. А брат был столь увлечён беседой с благоволящей ему Эхо, что даже оклики его сейчас — с первого раза точно не откликнется.

Осознав, что рассчитывать на помощь не приходится, Кирик почувствовал, как внутри него растёт твёрдая опора возмущения и неприятия происходящего. Резко обернувшись на Разбойника и стойко встретив его взгляд, он выпалил первую же свою догадку:

— Вы что, решили избавиться от Ворона?

Но под усмешку охотника, а может даже и раньше, когда только высказал висевшие на языке слова, он вспомнил, что последнее, что сказал Ворон перед исчезновением, — "Холод, глянь меня!".

— Он не прошёл проверку... — не веря в собственную догадку, прошептал Кирик.

— До чего ж вы умные, парни, — с грустной улыбкой покачал головой Разбойник, — Умные, отважные, находчивые... И очень любопытные. Да... Из таких, как вы, и вырастают настоящие Сквернобои. Если доживают, конечно, до экзамена. И если ты, дружок, не хочешь бесславно закончить свою жизнь голодной смертью изменённого или будучи сожжённым своими братьями в каком-нибудь местном леске, то должен знать... Скверна не прощает ошибок. Одна маленькая царапинка от когтей и клыков Твари, одна маленькая капелька её крови или слюны, попавшая на голую кожу, а бывает, что и просто выдох Твари тебе в лицо - и ты с огромной долей вероятности в лучшем случае — просто труп. Если твои друзья найдут в себе храбрость вовремя прирезать тебя на месте.

— Чтобы убить ещё не изменённого, не нужно раскалять нож, — хмуро рассудил Кирик, вспомнив про красный всполох в руке старика, — Что Холод собрался делать?

Разбойник, бросив быстрый взгляд на всё ещё увлечённую общением толпу, закивал и согласился, заговорил тихо, но возбуждённо и быстро произнося слова, то и дело стреляя глазами вокруг:

— Это верно. Молодец, молодец, что подметил. Он попытается вырезать заражённое место, пока ещё есть время. Даже Скверна овладевает телом не моментально, но... Вероятность успеха крайне мала... Поэтому не надо сейчас привлекать внимание остальных к этой проблеме. Они могут не понять и принять поспешное решение. Из страха. Или из-за конкуренции. Не важно. Просто нужно немного подождать. Если Холод увидит, что это не помогло, он сам объявит об этом и сам прекратит его муки. Можешь быть уверен, Холод сделает это.

— Верю, что сделает...

Кирик, получив исчерпывающий ответ, поник. Весь его душевный подъём словно выбило из тела ледяной волной. Очень ему Ворон понравился. Опытный охотник был харизматичен и обладал неоспоримым авторитетом среди остальных. Никто из охотников, принадлежащих другим командам, ни разу за всё время не подверг сомнению ни его право командовать сводным отрядом, ни отдаваемые им приказы. И всего этого он достиг без запугивания и требований жёсткой дисциплины, а лишь своим примером и той особой аурой лидера, которая окружает таких людей — героев. Если бы не малый возраст и рост, Кирик и сам уже начал бы проситься в команду Ворона. И то, как всё обернулось для охотника сейчас, было очень непросто принять.

— Неужели ничего нельзя сделать, если не получится вырезать Скверну? — опустив голову, чтобы спрятать увлажнившиеся глаза, прошептал Кирик.

Разбойник, вздохнув, закинул на плечи мальчика руку в ободряющем жесте, уже не пытаясь его удержать, и слегка покачался с ним из стороны в сторону.

— Эй-ех, Кирик, если бы маг был здесь, он бы выжег Скверну своей магией...

— Так маг есть в городе, нужно скорее вернуться, — спохватился мальчик, утирая влагу с носа, но Разбойник крепко прижал его к себе, успокаивая.

— Нет, парень, нет. До города день пути, Ворон не продержится столько. До первых изменений у человека есть всего несколько часов, и потом её уже не вытравить ничем. Даже магией.

— А как же тот маг, который прибыл сюда с вами, на охоту? Он ведь наверняка где-то недалеко, здесь до Нижнего Русла рукой подать! Мы можем его найти!

— Оглянись, парень, — уже темнеет, скоро ночь, как ты будешь искать его в темноте?

— Это как раз лучше, — не сдавался Кирик, чувствуя, что ещё рано опускать руки, — Он ведь и сам зимой по темноте охотиться не будет, а в лагере костёр всяко разожжёт. Поднимемся на Гром-камень за Нижним Устьем, а там вся долина как на ладони, огонь костра углядим! А не углядим, так мага покричим.

— Покричим, — передразнил Разбойник, хотя в глазах его уже разгорался тот же огонёк надежды, — Он же не лис, что б издали расслышать.

— С Гром-камня-то расслышит, — уверенно улыбнулся Кирик, чем подтолкнул Разбойника к окончательному решению.

Охотник, крикнув, поднялся, поманил рукой за собой мальчика, а подозрительно на него глянувшим товарищам объявил:

— Свожу до ветру.

И повёл, вниз с холма, иным путём, нежели ушёл Холод.

Глава 5

— Разбойник, ты рехнулся? Ты зачем парня привёл?

Голос Ворона прозвучал очень глухо, еле слышно. Свет факела, лежащего у его ног, выхватывал из темноты его мрачный, ссутулившийся силуэт, сидящий на камне, серое, поблескивающее потом лицо с глубокими тенями, очерченное мелкими волнами длинных чёрных волос, и окровавленную руку, прикрывающую правую щеку. Однако, глаза его сияли, как прежде, уверенно и гордо. Холод стоял над ним, держа наготове остывающий нож.

— Погодь ругаться, командир! — махнул рукой ему Разбойник, — Послушай, у парня есть идея.

— Какая, в Бездну, идея?!

Ворон начал возмущаться и выговаривать Разбойнику за самодеятельность, тот начал отвечать, а Кирик понял, что слушать их — напрасная трата времени, и обратился к тому единственному, кто оставался в этой ситуации спокойным.

— Холод! — перекричал Кирик спорящих охотников дрожащим от волнения голосом, — Не убивай... Не убивай его пока! Я постараюсь найти мага! Я знаю, как!

Дождавшись в наступившей тишине короткого кивка старика, Кирик взобрался на каменную глыбу, за которой скрывались Холод и Ворон, повернулся в сторону одному ему известных ориентиров и легкими прыжками помчался по снежному насту.

— А ну, за ним! — рыкнул Ворон, — Нет, постой... Возьми мою пику. И загаси факел! Нечего тут светить. И чтоб без парня не возвращался! Холод тебе за него голову открутит! Если я не доживу.

Разбойник послушно ткнул факелом в снег, поймал брошенное ему оружие и кинулся вдогонку за Кириком. То и дело ноги его с хрустом проламывали наст там, где парень проскочил легко, как соболёнок, и вскоре он вынужденно отстал. Возвращаться к саням за снегоступами он не решился, чтобы не привлекать внимание своим странным поведением, так что пошёл по следам парня, следя за его тёмным силуэтом на фоне снежных холмов.

Долго идти не пришлось. Минут через сорок интенсивного марша по сугробам Разбойник обогнул невысокую каменную гряду, поросшую елями, перевалил через особо крутой холм и оказался на краю пологого спуска в длинную овальную долину, обрамлённую гладкими стенами скал. В центре долины лежало застывшее во льду вытянутое озеро, притягивающее взгляд своей идеально ровной поверхностью в окружении извилистых снежных барханов. Здесь странным образом было немного светлее, чем в холмах, и свет не шёл с обложенного тучами неба, а как будто разливался равномерно по всей долине. И самым светлым пятном с зеленовато-голубым отливом казался именно лёд. Снег на нём не задерживался, да и в целом в долине снег оказался тоже другим: лёгким, сыпучим, как песок.

Подумав о снеге, охотник понял, что потерял след. Он огляделся. Чуть в стороне по левую руку и ближе к озеру возвышалась крупная, ребристая скала, формой напоминающая рыбий плавник. На ней и стоял Кирик, рассматривающий с высоты окрестности озера.

— Видишь огонёк? — подобравшись к скале, крикнул Разбойник и вздрогнул от звука собственного голоса, неожиданно громко раздавшегося над скалой.

Вместо ответа Кирик замахал на него руками, призывая к тишине, а затем поманил вверх. Разбойник взошёл на скалу с пологой стороны и тоже принялся вглядываться в рельефы долины. Махонький, мигающий в окружении нескольких сосенок огонёк практически сразу был замечен им ближе к середине озера по левую сторону от него, но не успел охотник и обрадоваться, как с противоположной стороны озера показался ещё один огонёк. Затем и третий, ближе к противоположному краю.

— Я могу пойти к тем двум кострам, а ты к ближнему, — шёпотом предложил Кирик.

Но Разбойник, покачав головой, ответил:

— Разделяться нельзя. Здесь могут быть ещё Твари.

— Дядь, я по этим местам уже почти четырнадцать лет бегаю — ни разу Твари изменённой не встречал. Сегодня первую увидел, и то — издали.

— Так ли уж и ни разу за четырнадцать? — недоверчиво усмехнулся охотник, — Ты, может, потому и не встречал, что ваши мужики днём и ночью вас, детей стерегли. Теперь тут стеречь некому. Скверна может гулять свободно.

— Значит, идём в сторону двух огней? — смирившись с опекой, спросил Кирик, — Шанс найти мага так больше.

— Да уж нет уж, скорее он там, — кивнул Разбойник на одинокий огонёк слева, — Встал подальше от остальных, чтобы охоту ему не сорвали. У него ж зверь магический, зачем ему посторонние? А если кто зверю попадётся под горячую лапу?

Оба задумались, переводя взгляды с одного огонька на другой.

— Можно покричать, — пожал плечами парень, — Пускай сам покажет, где он.

— Не уж-то докричишься в такую даль?

— А то! Сам слышал, как разносит голос Гром-камень. В хорошую погоду на том конце озера можно разобрать, что тут кричат.

— Погодь... — остановил охотник уже набравшего воздух парня, достал нож с кресалом, чиркнул над факелом, зажигая, поднял его над головой и скомандовал: — Вот, теперь кричи!

Кирик шумно вдохнул, присел на корточки у самого края Гром-камня, опустил голову вниз, словно пытаясь что-то угледеть на льду озера и закричал:

— МАААГ!!!

От взорвавшего воздух гласа Разбойник чуть не слетел со скалы. По долине над озером прокатился рокот, отразился от скал и вернулся обратно многократным долгим эхом, более низкого тона, постепенно переходящим в пробирающий насквозь шёпот "АК-АК-АК-К-К-К-К-К". От него закладывало уши и ломило виски. Охотник справился с первым потрясением и заводил над головой горящим факелом, внимательно наблюдая за огоньками вдаль.

Через минутку, не разглядев никаких изменений, Кирик снова позвал:

— МААААААААГ!!!

На этот раз реакция была моментальной. Одинокий костёр ярко вспыхнул, от него отделился едва различимый огонёк, проскользил к застывшему озеру и заплясал, описывая в воздухе дугу.

— Увидели! — воскликнул на радости Разбойник и прикрыл рукой рот, испугавшись, что сейчас вся долина услышит его вопль, но его голос, хоть и прозвучал необычно громко, такого эффекта, как зов Кирика, не вызвал. Охотник задумчиво осмотрел Гром-камень, обернулся на вогнутую скалу, возвышающуюся над ним позади, и предположил: — Сдаётся мне, неспроста здесь лежит эта глыба... Уж больно хитро расположена.

— Идём навстречу! — воскликнул Кирик и спрыгнул вниз.

— Эк, заяц! — цыкнул Разбойник, махнул следом и приземлился в снежную дюну, стараясь удержать факел повыше, чтобы не затух.

Кирик не ждал. Он уже мчался к озеру, поднимая тучи лёгкой снежной пыли, которую тут же подхватывал ветер, закручивал небольшими вихрями и набрасывал на барханы. Пришлось охотнику снова догонять.

— Сколько здесь до середины? — спросил Разбойник, выскочив на лёд, — Минут пятнадцать по льду?

Кирик повернулся к нагнавшему его охотнику, чтобы ответить, и вдруг встал, уставившись на глыбу Гром-камня. Над ней зашевелились быстрые тени, слетел ком снега, рассыпаясь в воздухе лёгким шлейфом, и на край камня, склонив морду вниз и поднимая дыханием снежную пыль, вышел крупный темношёрстный зверь. Затаив дыхание, Кирик ждал, не сверкнёт ли

на угольно-чёрной шкуре полоска тлеющего света, как рассказывал Марик про зверя, которого привёз с собой маг, но проследивший за его взглядом охотник, переменившись в лице, резко подтолкнул парня вперёд.

— Бегом! Живо-живо-живо!!! — закричал Разбойник.

Парень понял: это — Тварь. Услышав голос охотника, она резко вскинула голову с тонкими высокими ушами, вперила блестящие зелёные глаза в будущую добычу и взвыла.

Долину пронзил новый крик, усиленный Гром-камнем, теперь совершенно не похожий на человеческий: скрежет металла и визг, сжимающий голову тисками и заставляющий сердце сжаться в ледяной комок. Кирик зажмурился, закричал от боли, зажимая ладонями уши, и повалился на лёд — столь сильным оказался звуковой удар. Охотник и сам пошатнулся, но опыт помог ему устоять. Он подхватил парня за ворот, дёрнул вверх, поднимая на ноги, и потянул за собой, без лишней осторожности разгоняясь на льду. Когда парень очухался, и начал осознанно перебирать ногами, Разбойник перехватил его за запястье и осмелился сбавить ход, чтобы обернуться назад.

Чёрная Тварь уже гналась за ними, пока ещё скрытая поднятыми в воздух тучами снега. Но ещё мгновение, и она выбралась на лёд, в длинном прыжке преодолев несколько метров. Здесь её ждал сюрприз: лапы тут же разъехались, и морда с треском врезалась в лёд, отскочила и показала смятый нос и скошенные друг относительно друга челюсти. Тварь затрясла головой.

Разбойник злорадно хмыкнул, подумывая, не поджечь ли её, пока она ослаблена серьёзной травмой. Но заскользившие по склону у Гром-камня размытые чёрные тени заставили его отбросить смелость и вернуться к бегству. Его обувь была приспособлена к бегу по льду, поэтому он не сомневался, что сможет уйти даже от стаи изменённых волков, пока Скверна в их телах подбирает ключик к новым условиям. Но Кирик ходил по лесу в меховых унтах. То и дело он проскальзывал, сбивая шаг и норовя тоже расквасить нос об лёд, и оттого дыхание его быстро сбилось.

Между тяжёлыми вдохами Кирик прохрипел:

— Пять.

— Молчи! — грозно прикрикнул на него Разбойник, — Дыши и двигайся! Сам вижу, что пять... Ничего. Ничего. Пять — не стая! Тварь уже подняла тут всех на уши. Сейчас до мага добежим — отобьёмся!

Не добежали.

Хотя огонёк чужого факела уже мелькал на расстоянии прямой видимости, разбрасывая отблески на льду, до него оставалось ещё несколько минут бега, когда Разбойник, хрипло рыкнув, дёрнулся вниз и назад, выронив из руки факел. Кирик факел тут же поднял и обернулся на товарища.

Самая прыткая Тварь, уже приспособившаяся к скачке по льду, нагнала их в одиночку. Слишком большими для её пасти зубами она вцепилась в меховой плащ охотника, приняв его за шкуру, и теперь с отвратительным рыком-бульканьем драла его, мотая головой и отступая назад, с каждым шагом она с треском вонзала в лёд жёсткие изменённые лапы, ставшие похожими на раздвоенные кирки, но, к счастью, пока не догадалась использовать их для разделки пищи. Сильные, непрерывные рывки мотали охотника из стороны в сторону, не позволяли ему развернуться, чтобы дать отпор пикой, которую он по-прежнему сжимал в руке. А Кирик, впервые увидев изменённую Тварь так близко, застыл в оцепеняющем ужасе и отвращении.

И тут Разбойник вскрикнул, в беспорядочном движении напоровшись на крюк своей пики. Кирик словно очнулся от страшного сна. С дурным криком он кинулся к твари и ткнул её факелом в морду, при этом наступив коленом на спину Разбойника. Тварь взвизгнула и выпустила добычу из пасти. Она отскочила назад и припала ко льду, пытаясь своими новыми несуразными лапами смахнуть искры и тлеющую шерсть с морды.

Это дало Кирику момент, чтобы осознать происходящее. Он помог Разбойнику подняться и спешно избавиться от поражённого Скверной плаща. Не теряя времени на разговоры, они ломанулись к маячащему впереди спасению, которое уже принимало очертания бегущего им навстречу человека.

— В сторону! — пронёсся надо льдом резкий приказ.

Разбойник и Кирик послушно отпрыгнули с пути ослепительной огненной вспышки, последовавшей за необычно низким и глубоким голосом мага, и, пригнувшись, устроились наблюдать, в любой момент готовые, как прийти на помощь, так и дать дёру дальше.

Огонь пронёсся мимо сияющим копьём, поразил преследующую их Тварь, начисто снёс ей голову и переднюю часть тела, отбросив обугленные, бесформенные ошмётки того, что осталось, на несколько метров назад. Остальные четыре Твари, впечатлённые зрелищем, замерли чуть в стороне, не решаясь нападать. А когда маг направился к ним, перешли к неспешному отступлению, то и дело останавливаясь и оглядываясь назад и друг на друга.

— Как настоящие волки, — пробормотал Кирик осипшим от бега голосом, тяжело дыша.

— Они и есть настоящие волки, — усмехнулся Разбойник, — Их тела изменяются. Голод гонит их убивать всё, что движется. Они теряют свой прежний вид. Но не перестают быть волками. Стоило убить вожака — и остальные потеряли свою смелость.

— Холод говорил, что они перестали быть живыми...

— О, не слушай этого старика! Он любит нагнать страху. Эти Твари живее всех живых! Они даже стареют... Если плохо питаются...

Маг не стал гоняться за отрусевшими Тварями. Он коротко свистнул, как обычно подзывают охотничьих собак, и из-за спин Кирика и Разбойника, перемахнув через них и порядком напугав, на лёд выскочила ещё одна чёрная тень — крупнее и в то же время изящнее изменённых волков. Отблески факельного огня заплескались волнами на шкуре зверя, словно полосы на тигре, не желающие складываться в постоянный рисунок. А мощный силуэт и точные пластичные движения не оставляли места для сомнений: это и есть тигр.

Тлеющий Тигр не рвался на Тварей сломя голову, как делают собаки. Он бежал уверенно, но небыстро, с ленцой и слегка небрежно опуская лапы на лёд, пока расстояние до цели не сократилось достаточно для выверенного прыжка. Твари, не встречавшие до сих пор ничего подобного, не торопились убежать, принюхивались и беспокойно повизгивали и гукали, расходясь полукругом от незнакомого существа. Голод отрезал их от инстинкта самосохранения, и расплата за это пришла очень быстро.

За долю мгновения до нападения тигр чуть уловимо изменился: встопорщилась шерсть на загривке, да всколыхнулись на шкуре волны световых полос. И чёрная молния, оставляя в воздухе шлейф из жёлтых искорок, ударила в первую Тварь, опрокинула её навзничь, сминая и прижимая ко льду широкими лапами. Всего на пару секунд, начиная от лап и по всему телу Тлеющий Тигр вспыхнул яростным жёлто-белым пламенем, и снова стал чёрным с ещё более яркими всполохами полос, а изменённый волк был уже испепелён. Тигр, недовольно всхрапнул, дёрнул хвостом, будто с брезгливостью наступая на размазанное по оплавленной яме во льду чёрное пятно, и ощерился на поднятое облачко густого пара. С видом разочарованного невкусным угощением кота, он встряхнулся, смахнув искры с остывающих полос, и отошёл, объявляя свой вклад в охоту завершённым. И этого было достаточно.

Оставшиеся три Твари в полном молчании развернулись и ломанулись в сторону берега, даже не оборачиваясь назад. И там их тоже уже ждали. Навстречу чёрным теням вылетели горящие стрелы. Хотя они и не брали шкуру изменённых волков, но огонь опалял их шерсть, пугал и направлял их движение по заданной охотниками траектории в подготовленную ловушку.

Кирик не стал следить, как Твари скрываются в полосе прибрежного леса, и там один за другим вспыхивают и мечутся яркие огни. Его внимание было полностью поглощено Тлеющим

Тигром. И не в последнюю очередь потому, что магический зверь теперь неотрывно смотрел на него.

— Все целы? — спросил подошедший маг, и голос его не звучал уже таким низким, а напротив, казался молодым и приглушённым.

— Почти, — ответил Разбойник, поднимаясь и протягивая магу руку для приветствия, при этом из его интонаций полностью пропала ставшая уже такой привычной хитрая усмешка, сменившись лёгким присутствием опаски, — Я Разбойник. Парень — Кирик. Благодарю Вас, господин маг. Если бы не вы...

— Это мой долг, — маг без заморочек пожал охотнику руку, но имени своего не назвал. Он откинул капюшон с лисьим мехом, раскрывая по-мальчишески юное лицо и огненно-рыжую шевелюру, выбившуюся из короткой косы, и предложил: — Повернитесь, я Вас осмотрю.

Кирик отвлёкся от зверя на яркое пятно и подметил, что маг проверяет Разбойника на следы Скверны без магического камня, а разглядев что-то на его спине, сосредоточенно водит над ней вдруг засветившейся рукой.

— Вы — видящий? — догадался парень. И получив утвердительный кивок в ответ, спохватился и затараторил: — Нам нужна Ваша помощь! Там за скалистым гребнем у пепелища деревни охотник, поражённый Скверной...

— Не поражённый! — перебил его Разбойник, отвесив парню неожиданно болезненную оплеуху, — Его возможно коснулась изменённая Тварь. Возможно. Мы не знаем наверняка... Хотели просить Вас, господин маг, проверить его и весь наш отряд.

— Не знаете наверняка? — маг откровенно рассмеялся над попыткой охотника юлить, — Тогда чего ж всем отрядом не пришли? Глядишь, и не пришлось бы от мелкой шушеры убегать. Сами бы и управились!

Кирик с недоумением посмотрел на напрягшегося охотника, потом на мага, чьи удивительные медово-жёлтые глаза и открытая улыбка не показывали никакого недовольства. Он понимал, что здесь что-то не так, что охотник забыл его о чём-то предупредить из-за череды быстро развернувшихся событий, и теперь он по незнанию сболтнул лишнего. Но что-то исправлять и оправдываться было уже поздно.

— А твоё лицо мне кажется знакомым, друг, — неожиданно дружелюбно заявил маг.

Кирик кивнул и пояснил:

— Вы встречались с моим братом. Он охотник. Продал Вам зайца в городе позавчерашним вечером.

— Ах, да! Удивительный парень! Такой талант! Умудрился продать мне захудалого косоногого за двенадцать медных! Позже у хозяина двора я за двадцать взял двух свежих!

Маг так расхохотался, что теперь пришла очередь Кирика притихнуть в ожидании неприятностей.

— О! Прости, я надеюсь, это не он угодил под лапу Скверны? — вдруг переменившись и сделавшись озабоченным, спросил маг.

И Кирик не осмелился врать, помотал головой. Но озабоченность не сошла с лица мага. Он замолк и задумчиво уставился куда-то вниз. Проследив за его взглядом до своей руки, Кирик вздрогнул.

— Не шевелись... — тихо и вкрадчиво произнёс маг, наблюдая, как его магический зверь, щурясь от старания и удовольствия, осторожно внюхивается в руку человека, которого видит впервые.

Чёрная с всполохами махина тигрицы даже с опущенной головой всё же возвышалась над мальчиком и обдавала его спину сквозь меховой полушубок приятным теплом. А массивные лапы, обманчиво кажущиеся такими мягкими, могли поспорить размером даже с головой крупного вола. От близости огромного магического зверя Кирик не ощутил страха, только бла-

гоговение, хотя и понимал, что зверь представляет для него опасность одним своим столь близким присутствием. Но Тлеющий Тигр выглядел столь же мило, сколь и внушительно, будучи увлечённым каким-то новым, интересным запахом. В какой-то момент тигр начал забывать про осторожность и выдыхать горячий пар из ноздрей прямо на оголённый участок кожи в щели между рукавом и рукавицей. Кирик сжал зубы, но терпел сильный жар, как от бурно кипящей в котле воды, до тех пор, пока его запястья не коснулась грубая щетина раскалённого, как угли, языка. Тут уж он не выдержал и с шипением отёрнул руку.

— Искра, нельзя! Вот дурында! — прикрикнул маг на своего питомца.

Тлеющий Тигр, а точнее, как теперь выяснилось, Тигрица, с испуганным мявком отскочила в сторону и заводила ушами, показывая полное недоумение от того, как могла попасть в эту нелепую ситуацию.

— Прости, она так раньше не делала, — с сожалением и удивлением извинился маг. Он подошёл к тигрице и потрепал её загривок голый рукой, смахивая с шерсти тлеющие искры, словно обыкновенные снежинки. — Пойдём, у меня в лагере есть средство от ожогов. Специально на случай, если эта проказница захочет приласкать кого-нибудь слишком нежного для ее горячей природы...

Но Кирик твёрдо отказался:

— Не нужно. Мы должны спешить.

Маг коротко рассмеялся, лукаво подмигнул сопящему рядом Разбойнику и, разведя руками, согласился:

— Ну что ж, в таком случае поспешим!

Глава 6

Маг и правда не стал задерживаться дольше нужного. Он передал своим людям, подошедшим из леса, пару распоряжений, и велел показывать дорогу. Шёл он по снежному насту так же легко, как по льду. А Глеющая Тигрица ворчала и недовольно топорщила усы, ведь её веса наст уже не держал, проламывался под каждой лапой. Она увязала в сугробах, которые таяли под ней на глазах. Влага мочила шкуру и поднималась струйками пара, раздражая капризную кошку, и вскоре она остановилась на группе торчащих из-под снега камней, жалобно и отрывисто замыкала, глядя вслед хозяину, словно просясь на ручки. Маг лишь один раз обернулся к ней, велел догонять и пошёл дальше, тихонько усмехаясь себе под нос.

Немного погоревав, зверь пристроился хвостиком за Разбойником, которому приходилось торить свой путь, проламывая наст древком пика. И по лицу охотника было видно, что ему не смешно.

В пути маг спросил Кирика о том, как именно нуждающийся нынче в помощи охотник коснулся Скверны. Парень, смутившись, отмахнулся тем, что это вышло случайно, и сам он был далеко во время охоты и зачистки пепелища деревни, и не мог разглядеть. И маг с улыбкой принял его ответ.

— А как... Как Вы взяли своего магического зверя? — осмелился спросить Кирик.

— Да, как-то случайно вышло! — хитро прищурившись, ответил маг, отбив парню желание продолжать задавать вопросы.

На расстоянии прямой видимости от лагеря охотников, Кирик попросил погасить пламя факела, вызывая явное недовольство мага, которое отразилось на его лице своеобразной улыбкой с поджатыми губами. Несмотря на спешку, они дождались охотника и тигрицу, плетущуюся по его следу, и к холму, за которым скрывался Ворон, добрались все вместе.

— А я всё гадаю, что за неудачник умудрился подцепить Скверну там, где её, считай, что и нет! — с этой насмешливой фразой маг подошёл к Ворону и сжал его предплечье в приветствии, — Почему не подошёл ко мне в городе? Я был бы рад разделить с тобой охоту!

С Холодом маг обменялся учтивыми кивками, а искренне попытавшийся улыбнуться Ворон ответил:

— Не знал, что это ты, Веррин! Если б знал, обязательно бы заглянул. Но вот, разминулись, и видишь, как всё обернулось...

Охотник указал на отвратительную чёрную яму на своей щеке, будто меняющую свою форму в неверном свете факела, и маг тут же принялся за работу. Не отпуская руки охотника, он поднёс вторую, засветившуюся ладонь к обожжённой ране и предупредил:

— Скверна пошла глубоко, будет жечь. И шрам останется, уж не обессудь — всё-таки я не целитель.

— Пустяк! Бабы любят меня не за смазливую мордашку, а...

— Помолчи, — перебил его маг изменившимся вдруг голосом.

Кирик переглянулся с Разбойником, и оба выдохнули с облегчением. С полчаса они наблюдали, как под рукой Веррина пугающая рана на лице Ворона сперва расширяется, обнажая ярко-красное мясо, а затем постепенно стягивается, образуя широкий розовый рубец. Всё это время Ворон стоял хмурый и побелевший, как мел, снимал рукавом капельки пота с лица, но ни разу даже стона не проронил.

Закончив с раной, маг похлопал Ворона по плечу и радостно объявил:

— Я рад, что твой новичок поспел за мной вовремя! Ещё час — другой... Впрочем, это не отменяет того, что ты, как командующий группой... Ты ведь группой командуешь? Да. Значит, ты, как командующий группой охотников на изменённых существ, не сумевший обеспечить должный надзор, что привело к заражению Скверной одного из участников охоты, не

повлекшее за собой смерти или увечий, обязан уплатить в королевскую казну штраф в размере трёх серебряных. За использование средств защиты ненадлежащего качества ты должен ещё...

— Постой... Постой! — подняв руки вверх, Ворон заговорил, сбиваясь из-за одышки, — Три серебряных за заражённого... Я согласен. Моя вина. Не доглядел! Пусть и за собой... Но мои средства защиты надёжны!

— Как же, Скверна на лицо! Маску давно проверял?

— Прямо перед рейдом! С маской всё в порядке!

— Значит, с рукава, когда камень к лицу подносил, пока остальных проверял. Ты снова игнорируешь правила, Ворон, — маг удивительно строго и в то же время фамильярно ткнул пальцем в грудь охотника, — Командующий группой первым должен проверять себя! Или попросить товарища сделать это.

— Ну, что ты меня, как щенка, перед молодёжью воспитываешь? — отмахнулся от него Ворон.

— Тебя воспитывать поздно, — уже более тепло ответил Веррин и кивнул на притихшего Кирика, — А вот молодёжь пускай поучится на чужих ошибках!

В этот момент взгляды всех присутствующих сошлись на парне. Ворон подошёл и крепко сжал его руку, твёрдо глядя в глаза, сказал:

— Спасибо, Кирик. Век не забуду, в должниках не останусь.

— Идём, Ворон, — со спины поторопил его маг, — Показывай лагерь.

Ворон не ответил, и лишь Кирик увидел, как в этот момент его лицо перекосила болезненная гримаса.

————

— Доброй ночи, господа охотники! — благожелательно улыбаясь, Веррин вошёл в круг света от костров, — Попрошу вас подготовить своё снаряжение для осмотра.

В лагере никто не спал. И без того необычно тихие люди замерли, с недоумением обернувшись на мага. Когда из-за его спины на свет огня вышли охотники и Кирик, все повскакивали со своих мест.

— Кирик! — радостно воскликнул Марик, подбегая к брату и хлопывая его плечи, — Ты в порядке? Холод сказал, что ты показываешь путь к Нижнему Руслу. Почему так долго? Почему пошёл без меня?

— Почему вообще взялся показывать путь? — строго спросил Тогур, глядя исподлобья, — Проводником наняли не тебя.

Но в его тоне не было угрозы, только недовольство.

— Мы слышали жуткий визг вдали, — разбавила возмущения заботой Эхо, — Думали, вы напоролесь на Тварь. Хотели выступить на подмогу, но Холод не позволил.

Она с презрением взглянула на старика, а тот даже бровью не повёл.

— И правильно сделал, — сказал Разбойник, — Вы бы всё равно не успели.

— Так вы что, встретились с Тварью? — почти шёпотом спросил Марик.

Но Морис услышал, злобно сплюнул на снег и проворчал:

— Так и знал, что они там охотятся, а нас здесь держат, чтобы не делить добычу...

— Ты нас в "двойной игре" обвиняешь? — похлеще кошки зашипел на него Кочка.

— Довольно споров, — махнул рукой Ворон, — Кирик отправился к Нижнему Руслу с важной миссией... Но о том не сейчас.

— Мы сами, чуть не стали добычей, — перехватил у него слово Разбойник и кивнул на Кирика, — Если б не парень... и маг, меня бы уже переваривали в чёрном чреве. А то и в пяти сразу, хе.

Над лагерем снова повисла тишина. Внезапно все вспомнили про мага, который так и стоял с благожелательной улыбкой и выражением живого интереса на лице.

— Нет-нет, продолжайте! Не отвлекайтесь на меня! — деликатно вскинул ладони Веррин, и чуть погодя, не дождавшись продолжения, поделился с Вороном, — Видимо, моё появление было не столь эффектным, как ваше. Кажется, пора менять коронные фразочки... А! Как на счёт такой?

Маг отодвинул отворот плаща, и в свете костра блеснула золотая фибула в форме крылатой змеи с изумрудным глазом. Набравший в этот момент в рот воды из фляги Кочка, лишь глаз скосив на украшение, разразился пышным фонтаном, подозрительно ярко вспыхнувшим над костром.

— Инспекция.

По результатам проверки магом была назначена ещё пара штрафов, и все для команд Ворона и Холода. Эхо же не только с блеском прошла все проверки оказавшегося весьма дотошным инспектора, но даже нарвалась на комплимент своей аккуратности.

Сияющая улыбкой, она легонько погладила Ворона по плечу, но коротко хохотнула, так и не сумев изобразить сочувствие.

— Без штанов меня оставишь, Веррин, — тихо буркнул Ворон.

— Лучше без штанов, чем без права на жизнь, — отозвался маг так, чтобы его слышал только Ворон, и повёл его в сторонку, — К тому же, за эту охоту ты отобьёшь все штрафы.

— Да какое там! Мы всего одну Тварь завалили! — охотник с досадой пнул сани, попавшиеся на пути.

— Не переживай, твои охотнички получают часть вознаграждения за охоту на озере, — маг усмехнулся, видя, что Ворон его не понимает, — Они сэкономили нам уйму времени. Мы за той стаей весь день вчера мотались. Твари трусливые, близко к себе не подпускали, чуть что — врассыпную, на приманку шли неохотно. Видимо, есть, чем поживиться, и без нас. Думали, завтра волчьи ямы сооружать по выходам из долины и жечь всё, чтобы выгнать их на колья. Жаль было бы губить такую красоту... Но когда мальчишка ночью закричал, они как будто взбесились. Все разом за ним ломанулись, прямо по льду, представляешь? Там же корка всего в локоть, а под ней — вода проточная!

Украдкой охотник и маг обернулись на лагерь, на весело переговаривающихся парней.

— Маг? — с большим сомнением спросил Ворон.

— Нет, нет... Но кровь Велдов сильна. Однако, я не думаю, что дело в мальчишке. Расположение долины и скал там очень интересное, — маг выдержал паузу и спросил: — Одолжишь мне парней на несколько дней?

— Да, вот, не могу, — развёл руками Ворон, — Не мои они! Местные. Увязались за нами с города... Между прочим, тебя искали.

Глаза Веррина сверкнули хитростью.

— Ну, раз не твои, да ещё и за мной отправились, то и дозволения ждать не буду.

— Ты их на охоту собрался взять? Малы ещё!

— В законе нет ограничения по возрасту... Да, успокойся ты! Не подпущу я к ним Скверну.

— Что, есть ещё, кого бить? Вы же, вроде, стаю добили?

— Стая — мелочь, — пренебрежительно махнул рукой маг, — И Зверя на волков брать излишне. Я бы и тебя с собой взял...

— У меня группа, Веррин, — с сожалением покачал головой Ворон, — Я не могу их вот так бросить.

— Волков больше нет. Ваша совместная охота закончена, Ворон, отпускай группу и давай со мной. Можешь взять Холода. Его знания могут нам пригодиться.

Охотник хитро прищурился и решил попытать удачу.

— А как на счёт отличного лучника? — спросил он, играя интонацией.

— Кочка? — улыбка мага стала то ли сочувственной, то ли пренебрежительной, — Он в собственные ноги стрелой попасть не сможет, пропойца.

— Нет, Эхо. Она в нашем деле новичок, но стреляет превосходно! К тому же, её ребята уже пытаются обвинить нас в нечестной игре. Не хотелось бы давать им повода для сплетен...

— Лукавишь, Ворон. Плевать тебе на сплетни. Девчонку хочешь к себе забрать.

— Не смею спорить с Видящим, — улыбнулся Ворон, чуть склонив голову.

Веррин задумался, неопределённо кивнул, выразив согласие без особой заинтересованности, и озвучил самое важное:

— Условия стандартные. При удачной охоте награда между непосредственными участниками будет распределена поровну. Если кто-то из участников по объективным причинам не будет иметь возможности внести свой вклад, он получит половину полной доли. Остальное будет распределено между участниками, чей вклад сочтём наиболее существенным. Всего вас пять, считая парней. Даю вам на всех...

Тут маг замолчал и строго посмотрел на Ворона прежде, чем озвучить сумму.

— Золотую Корону.

Ворон посмурнел.

— Кто цель? — спросил он без прежнего азарта.

Но маг лишь тихонько вздохнул, обвёл взглядом спящие под снегом ночные холмы и ничего не ответил.

— Это ведь твой личный заказ, верно? — озвучил Ворон догадку, — И своим людям ты будешь платить из своей доли. Значит, за заказ дают не меньше двух Корон. Да, точно больше... Веррин...

— Верно, — резко ответил маг, не позволив Ворону продолжить.

— Почему за ним не направили Сквернобоев?

— Это личная просьба от человека, которому невозможно отказать. И закончим на этом. Веррин развернулся к лагерю, но Ворон перехватил его за плечо и повернул к себе.

— Может, не надо брать на эту охоту детей, Веррин? — строго спросил он.

В ответ маг широко улыбнулся и уверенно сказал:

— Этих — надо!

Ворон объявил окончание охоты и роспуск группы. Когда Разбойник поведал о том, как была истреблена стая изменённых волков, и какую роль в этом сыграли они с Кириком, у охотников не осталось никаких претензий к лидеру. О заражении Ворона Скверной тоже пришлось рассказать, и в этом товарищи ему лишь посочувствовали и выразили радость благополучному разрешению ситуации. Впервые принимавшие участие в охоте на Тварь поздравили друг друга, распив припасённый на это дело бурдюк с мёдом, и отправились на боковую. Маг объявил, что дозор не требуется, пока в лагере находится он, и все могут спать спокойно. Но кто-то решил скоротать остаток ночи за тихими сборами, а кто-то просто не мог уснуть после всего пережитого за ночь.

Братья Кор пристроились на шкуре у костра и тихонько переговаривались, подставляя лица и руки теплу. Кирик в красках рассказал Марику о своём маленьком приключении, особое внимание уделив изменённой Твари и магическому зверю Веррина.

— А где ж сама тигрица? — заозиравшись по сторонам, спросил его Марик по окончании рассказа.

— Маг отпустил её гулять по окрестностям. Кажется, ей не нравится запах костров. Да и снег ей тоже не нравится...

— Эх, увидеть бы её ещё разочек!

— Почему бы и нет?

Голос, раздавшийся за их спинами и заставивший подпрыгнуть на месте, принадлежал магу. Веррин нагло втесался между братьями, скрестив ноги, сел на шкуру у костра и закинул руки им на плечи. Тут же от ладоней мага по телам парней разлилось живительное тепло, а лёгкий мороз перестал беспокоить спины.

— Ворон сказал, что вы, ребята, искали меня. И что же двум юным охотникам понадобилось от незнакомого мага?

Кирик, уже какое-то время раздумывающий, как же подступиться к странному магу, ступившись от прямого вопроса. Но Марик взял его на себя, и как всегда, с пробуждающим азарт подходом.

— Есть один вопрос, который мы задаём каждому встреченному магу, — начал он строго, в манере тётки Валлы, проверяющей усвоенные мальчиками уроки, — Это уже стало настоящей традицией! Да вот, не успел спросить Вас в прошлый раз, как мы разошлись, довольные сделкой...

— Вот оно что! — подыграл интонациям парня Веррин, еле сдерживая рвущийся из груди смех, — Похоже, меня ждёт экзамен на профпригодность? Должен заметить, что ещё ни одному экзаменатору не удалось застать меня врасплох, сколь каверзны и хитроумны ни были их вопросы! Задавай!

— Что такое Скальный Град?

Маг отдернул от братьев руки, словно обожженный, и уставился на них, переводя взгляд от одного к другому. Улыбка слетела с его лица, уступив место выражению неверия и взволнованности. Он немедленно спрятал лицо в ладони, сдавил его, словно снимая налипшую маску, и начал тихонько смеяться, стараясь сдержаться изо всех сил.

— Простите... Простите, друзья, — наконец, сказал маг, перестав внушать окружающим беспокойство за его психическое состояние, — А у вас случайно не найдётся другого вопроса? Кажется, что все годы, проведённые в магической академии Её Величества и на Рубеже, не смогли подготовить меня к этому... Я даже, о, бедна, согласен на снижение оценки!

Кирик и Марик, не оценившие игру мага, одновременно вздохнули с таким разочарованием, что оно повисло в воздухе, давя на невольных свидетелей этой непонятной сцены.

Марик встал, стряхнул снег с ног и сказал:

— Пойдём, Кирик. Отец нас приберёт за долгое отсутствие.

— Что, вот так просто и уйдёте? — неподдельно удивился Веррин, — Посреди ночи? Одни?

— Что нам ночь? Зима, всё видно. Дорогу знаем — снегопада не было, по следам найдёмся. А Тварей всех порешили — так и не страшно.

— И даже награду за свой вклад в охоту не стребуете?

— Какую награду? — моментально оживился Марик.

— Кирик, тебе положена доля от сегодняшней ночной охоты на изменённых Тварей. Так как ты впервые на охоте и выступал фактически в роли приманки и невольно, она будет урезанная, но... Думаю, вам такую сумму вряд ли приходилось прежде держать в руках.

— Сколько? — снова проявил интерес Марик.

— Дай-ка подумать... — изобразил задумчивость маг, — Полагаю, около полутора серебряных.

Глаза Кирика сверкнули удивлением, а Марика — недоверием.

— Полтора? — скривил рот старший брат, — Не затруднит ли Вас, уважаемый маг, поделиться своими расчётами? Что-то я в толк не возьму, как с пяти Тварей, за каждую из которых дают по пятьдесят серебра, мой брат получит полтора серебряных? Это какой процент выходит? Три пятых процента? Вы снова шутите? У Вас хорошо получается!

Маг залился смехом, уже не сдерживаясь.

— Вот, пронира! Уже всё разузнал! Да, вам и пятой доли процента не дадут, ребята. В долине на стаю собралось семнадцать охотников, не считая моих. Можете попробовать обратиться к ним за своей долей. Думаю, они скорее убедят вас в том, что это вы должны им доплатить за спасение.

— Ну, ну, Веррин, это ты загнул, — встрял в разговор Ворон, — Охотники всё ж не разбойники, чтоб с детей деньги вымогать! Но и делиться не станут. По крайней мере с теми, у кого нет поддержки своей команды...

— Кстати о разбойниках, — вспомнил Марик, — Разбойник-то свою долю пойдёт требовать?

— А то ж! — отозвался из-под спальной шкуры приглушённый голос, — Я в зубах Твари такой плащ потерял! Как минимум компенсацию требую. Могу и тебя, Кирик, с собой взять. Поддержу твои притязания.

— Спасибо, дядь! — обрадовался Кирик.

— Так ведь парень в отряде не состоит! — оборвал его надежды Ворон, — И даже охотником не является. Тебя, Разбойник, мы поддержим. Ты — свой. А ради чужого портить отношения с нашим братом...

— Ах, ты ж... — гневно засверкал глазами Марик, — Он же тебя спас!

И даже Разбойник, откинув шкуру, привстал, чтобы взглянуть в лицо своему лидеру. Но Ворон оставался совершенно спокоен, как и вечно улыбающийся маг, и Разбойник, прищурившись, тихонечко опустил обратно, подпёр кулаками лицо, внимательно наблюдая за разыгравшимся представлением.

Кирик вернулся на шкуру рядом с магом и сказал:

— Погоди, Марик. Не понял? Они нас вербуют.

Глава 7

Утром второго дня после заключения сделки Марик и Кирик обосновались у Гром-камня в компании двух витязей из команды мага — русобородого Молда и чернявого с проседью Карлика. Марик сразу узнал в них тех самых стражей, что охраняли клетку со зверем у постоянного двора. Хотя оружие они сменили на более подходящие для охоты на Тварей массивные алебарды с тяжёлыми клинками в виде полумесяцев с одной стороны и крюками с другой, но на простых охотников походили мало. Слишком добротная, дорогая экипировка выдавала в них людей, которые не летят сломя голову на каждый слух о Твари, а выбирают лишь самые прибыльные заказы. Или, что вернее, за них выбирает хозяин, который их и обеспечивает всем необходимым.

Учитывая, что хозяином этих воинов был инспектор Королевской Службы Надзора за Экстраординарной Охотой — КСНЭО, экипировка их была высшего разряда и в идеальном состоянии. Главный элемент снаряжения любого охотника - широкий, толстый непромокаемый плащ с большим запахом и стягивающимся капюшоном - у стражей был выполнен из светлых шкур, что позволяло, как эффективно сливаться с местностью зимой, так и без дополнительных средств и артефактов своевременно определять наличие следов Скверны, которые на светлой шерсти и коже быстро расплзаются чёрными пятнами. Под плащами скрывалось нечто интересное, тяжело позвякивающее глухим металлическим звоном, да белые маски выглядели из-под капюшонов. На руках — рукавицы из светлого меха с отделкой кожей на ладонях, а на ногах - добротные кожаные сапоги с меховой оторочкой без шнуровки.

И всё это с первейшей целью — не допустить проникновения Скверны к телу.

Сами же мужики были угрюмы и молчаливы, стояли на месте и глаз с братьев не сводили. Поперёк себя шире, они казались великанами на фоне парней.

Но в свои почти пятнадцать лет Марик и не мог похвастаться выдающимся, как у старшего брата, ростом. А младший и вовсе полностью соответствовал своему имени, взятому от названия небольших местных птичек: худой, лёгкий и проворный, как кирик. И сейчас взирали они на своих угрюмых "нянек" с неприкрытым раздражением.

Костров не жгли и раньше времени не шумели. Задачей братьев на этой охоте было дождаться специального сигнала от мага и начать поочередно кричать с камня так, чтобы эхо между криками не успевало затихать. Задача же "нянек" была... Стандартная. И разговоры в неё не входили.

Кирик поёжился от морозца, прокравшегося под одежду из-за долгого сидения без костра, и тихонько, чтобы не потревожить эхо, спросил:

— Может, хотя бы скажете, что за сигнал должен подать маг?

— Бесполезно, Кирик, — махнул на стражей Марик, — Им за ответы не платят. Верно?

— Похоже, им платят за молчание, — поддержал шутку Кирик.

— Это ж озолотиться так можно!

— Молчанье — золото.

— Нам-то заплатят серебром.

— Мы своё серебро отработаем не хуже, да Марик?

— А то! Так отработаем, что нам ещё и добавят!

— Молчанье, оно — одно. А слов много...

— Ха! Верно! Ух, я такие слова знаю!

Тут один из "нянек", Молд вдруг криво усмехнулся, указал своей алебардой куда-то вдаль, и прогромыхал:

— Вот твой сигнал. Иди, покажи свой словарный запас.

Теперь, сравнивая размеры фигур между собой, можно было заметить, что Тварь была не очень-то большая — ниже Кирика, и передвигалась то на четырёх лапах, то только на задних, будто бы Скверна ещё не определилась, как лучше изменить тело носителя, и не позволяла остановиться на одном варианте передвижения. Иногда она делала стремительный рывок, отталкивалась ото льда длинными когтями на передних лапах и, ловко приземляясь, проскальзывала бочком на трёх, как мальчишки катаются на расчищенном льду.

Чем ближе подходила Тварь, и чем лучше её было видно, тем сильнее проступало сходство, которое братья определили ещё по первому визгу, и так боялись его признать. Но когда изменённое существо подобралось достаточно близко, чтобы рассмотреть его плоскую морду, лохмотья одежды и длинные спутанные волосы, принятые сперва за клоки шерсти, сомнений уже не осталось.

— Девчонка! — ахнул Кирик, упустив свою очередь повторить крик.

— Изменённая, — строго поправил его брат, а сам совершенно ошалелыми глазами смотрел, как охотники внизу приходят в движение, чтобы окружить и обездвигить сеть бегущего на них изменённого человечка. Он попытался крикнуть снова, ведь сигнала к прекращению не было. Но всё, что смог выжать из себя, короткое, резкое - АК!

Взвизгнувшую было изменённую сбили с ног метким броском пики, опрокинув навзничь, и тут же обступили со всех сторон, как одеялом, укрыв металлической сетью. Пока она возилась, пытаясь выдрать из тела глубоко засевшее оружие, охотники подступали по сетям, вбивая в лёд сквозь звенья стальные крюки, удерживающие сеть на месте. Сила изменённой была столь велика, что она выдирала недостаточно глубоко или редко вбитые колья, взметая сеть, словно та и правда была всего-навсего пуховым одеялом.

Но люди Веррина знали своё дело, и вскоре изменённая была практически полностью обездвигена. Веррин, Ворон, Эхо и Холод подошли как раз в тот момент, когда её уже поливали маслом, и встали на сеть рядом, придавливая крюки. Один из охотников поднял высокий факел и направился к пленённому существу.

Понимая, что теперь должно произойти, Кирик бросился на край скалы и крикнул:

— Нет! Веррин! Нет!

Его не слушали. Даже внимания не обратили, словно истуканы, стояли и смотрели, как медленно и как будто торжественно ко всё ещё трепыхающемуся под сетью чёрному тельцу подносят совершенно обычный огонь. Братья не спорили с тем, что изменённого скверной надлежит убить, кем бы он ни был. Но помня, как долго билась в огне та первая Тварь, которую поймали в деревне, мальчишки не могли поверить, что та же самая участь ожидает пусть и изменённого, но всё же человеческого ребёнка.

— Искра! Пусть это сделает Искра! — в отчаянии заорал Кирик, что есть мочи, — ИСКРААА!!!

И Искра отозвалась. Короткий рык из леса, и на лёд выступила огромная угольно-чёрная кошка, нервно бьющая длинным хвостом. При свете дня она казалась ещё крупнее и чернее, чем ночью. Но сейчас по ней не бегали непослушные полосы всполохов, будто магический зверь пребывал не в лучшем состоянии. Низко опустив хищную голову, раздражённо порывкая и делая короткие скачки в сторону людей, Тлеющая Тигрица приблизилась к сети и, брезгливо топорща усы, пошла по звеньям. Охотники отступили подальше от беспокойного магического зверя, только маг остался на месте. Протянув руку, он почесал Искру по голове, успокаивая кошку. Затем указал ей на существо, свистнул, обозначая цель, и тоже отступил.

Тигрица постояла, глядя на то, что ей предлагалось испепелить, приблизилась ещё, осторожно щупая лапой сеть и брезгливо дёргая хвостом, а когда подошла вплотную, поставила сверху на шевелящийся чёрный комок всего одну лапу. И полыхнула ослепительной вспышкой.

Зажмурясь всего на момент, братья открыли глаза и увидели, что вместо изменённой во льду зияет окаймлённый пеплом и обрывками металлической сети голубой провал. Всё было

кончено меньше, чем за один вздох. Тлеющая Тигрица, вся вымокшая и растерянная, жалобно мяуча выбралась из провала на лёд, бросилась к магу и затопталась вокруг, чуть ли не запрыгивая на него своей огромной тушей.

Братья поспешили вниз.

— Кирик, Марик, идите сюда! — подозвал их маг.

Голос его был спокоен, а улыбка, как обычно, доброжелательна. Не похоже было, чтобы маг злился на них из-за выходки Кирика. Но на всякий случай, братья подходили с опаской испытанных на шкуре кнута.

— Хотите погладить? — искренняя улыбка мага лучилась довольством, которого парни никак не ожидали лицезреть, — Не бойтесь! Она достаточно остыла.

Тигрица, такая тоненькая с прилипшей к телу шерстью, сидела, пытаясь уместить хотя бы лапу на мысках мага, подрагивала и жалась к нему, как испуганный котёнок. Её шерсть слегка поблекла, и вода больше струилась по ней вниз, чем поднималась паром.

Кирик присел рядом, снял рукавицу и протянул руку первым, слегка, кончиками пальцев пробуя определить температуру шкуры магического зверя.

— Она тёплая! — удивлённо озвучил он своё открытие, — Как камень, пролежавший на летнем солнце.

Тигрица вела себя спокойно, и Кирик осмелился подсесть поближе, позволил ей обнюхать своё плечо и ухо, убеждаясь по дыханию, что внутри кошка по-прежнему горяча. А потом и сам аккуратно запустил руку ей на загривок и почесал. Марик присоединился к почесушкам, и вместе они тискали магического Зверя, словно ту же Поганку, пока тигрица не начала отогреваться и снова темнеть в клубах сгущающегося пара.

В результате этого недолго, но очаровательного близкого контакта каждый получил своё утешение.

Традиционный вечер после охоты у костра проходил в уже перенесённом лагере в тихом и уютном скалистом ущелье Нижнего Русла. Здесь, под защитой каменных стен давно оставленной заставы расположились люди Веррина и сам маг, Ворон, Холод, Эхо и братья Кор. Остальные охотники предпочли ожидать своих лидеров в натопленном постоялом дворе в городе, раз уж их не позвали на "особое дело". Тлеющая Тигрица сразу же облюбовала себе одно из немногих сохранившихся помещений заставы и скрылась там от снега и света, как в пещере, а люди собрались у огня. Или, вернее сказать, у поспевающей на вертеле дичи, удачно добытой на обратном пути в лагерь.

Несмотря на успешное выполнение плана и высокую награду, которую братья получили за своё участие в нём, сидели они тихо, понуриив головы, и не участвовали в весёлом обсуждении охоты. Просто слушали и не верили своим ушам.

— Изменённый человек — это вам не зверь голодный, что на приманку бежит! — рассказывал Ворон с хищной улыбкой. Голос его звучал иначе, в свете пережитого вызывая в братьях отторжение и неприятие. Но им приходилось слушать, а Ворон продолжал говорить: — Чтобы такую Тварь поймать, тут не просто охотничий опыт нужен. Тут нужна смекалка, чтоб разумного выследить. Эта Тварь к людям не выйдёт — боится, знает, что убьют. Учует двуногого брата — и бежит, прячется. Без Видящего или хорошего охотничьего зверя тут не обойтись.

Мужики скалились, с интересом слушали Ворона и кивали. Марик, бледнея, отвернулся, а Кирик смотрел на черноволосого охотника со свежим шрамом на лице, будто впервые его увидел. С каким удовольствием, охотничьим азартом он расписывал картины погони за несчастным ребёнком, которого коснулась Беда. Как смаковал он слово "тварь"!

— Уж как она петляла, след запутывала! — продолжал Ворон, — Иной раз глядишь, а следа-то вовсе нет, снежок нетронутый лежит, насколько хватит глаз. А она под сугробом себе ход роет, как соболёк! А до чего хитрая! Даже зверя обманула, в ручей завела!

— Как в ручей? Она же изменённая! Как она в ручей залезла? — удивилась Эхо. Она не знала подробностей загона, так как участия в нём не принимала, а ожидала у входа в долину с сигнальными стрелами. И сейчас наравне с братьями узнавала новые стороны охоты на изменённых, как, впрочем, и новые стороны охотника по прозвищу Ворон.

— Она-то сама не лезла, — медленно покачал Ворон головой, — Из сугроба ход к обрыву отвесному прорыла, а сама под обрывом спряталась, за корни старые удержалась. Тигрица по ходу за ней пролезла и вместе с карнизом вниз сорвалась, в ручей! И всё! Посреди ручья на камни встала, верещит, как дитё малое, "возьмите меня на ручки, я лапки намочила!", и работать отказалась. До чего капризная кошка... Пришлось самим сюда от самого Рубежа гнать эту Тварь.

Даже Эхо смутилась от интонаций Ворона, поджала губы и, обняв колени, уставилась на свои мыски. И тут, не выдержав, вскочил Марик.

— Заткнись! — выкрикнул он, заставив эхо гулять между каменных стен заставы.

Кирик подскочил к брату и сжал его плечо, но не пытаясь успокоить, а оказывая поддержку наперекор расплывшимся в самодовольстве ромам охотников.

— Что такое, Марик? — с издёвочкой поддел его Ворон, — Пожалел изменённую Тварь?

— Не называй её так! Она — человек!

— Она — изменённая Тварь, — вкрадчиво и напористо повторил Ворон, поднимаясь со своего места и нависая над братьями, — Ну-ка, повтори.

— Ни за что, — прорычал Марик, волчонком глядя исподлюбья.

Ворон посмотрел на Кирика, а получив точно такой же, но молчаливый отпор, развёл руки и, окинув взглядом всю собравшуюся компанию, объявил:

— Кажется, здесь кто-то отказывается называть изменённого Тварью!

Эта фраза словно послужила сигналом для всех охотников. Мужики поднялись со своих мест и вперили в братьев тяжёлые взгляды.

Марик дрогнул. Перед глазами его промчались картины, как охотники, справляясь с двумя глупыми недорослями, разбирают их долю серебра. Он подхватил свой мешок со снега, выдернул оттуда куль с серебряными монетами и швырнул его у костра так, что часть монет рассыпалась и покатилась, рисуя дорожки на оттаявшей земле, но никто не обратил на этот жест никакого внимания. Только Ворон насмешливо фыркнул и вытянул из ножен свой охотничий нож.

— Повторяй за мной, парень, — уже без улыбки строго потребовал Ворон, — Я. Никогда. Не признаю. Осквернённого Человека. Тварью.

В полнейшем смятении парни смотрели, как охотники один за другим снимают с рук свои меховые рукавицы и выставляют в сторону костра открытые ладони, по центру каждой в пляшущем свете огня отчётливо проступали круглые шрамы. Точно так же поступили и Эхо с Холодом, и маг.

Не сразу Марик уловил смысл слов, повторить которые от него требовал Ворон. Но охотник и не торопил. Лишь смотрел спокойно и выжидающе, как терпеливый отец смотрит на детей, которым задал сложный вопрос.

— Я никогда не признаю осквернённого человека тварью, — неуверенно повторил Марик.

— Громче! — хмуро потребовал охотник, — Чтобы слышали все!

— Я никогда не признаю осквернённого человека тварью!

— Я никогда не пожалею осквернённого человека в бою.

— Я никогда не пожалею осквернённого человека в бою! — голос Марика наполнился решимостью.

— Я всегда выберу безопасность прежде милосердия.

— Я всегда выберу безопасность прежде милосердия!

— Клянись!

— Клянусь!

— Я, Дорин Кроу по прозвищу Ворон, принимаю твою клятву! — с искренней улыбкой произнёс Ворон.

И сразу же за ним каждый из круга поочередно, называя своё имя и прозвище, если оно было, принимал клятву Марика, пока черёд не дошёл до мага.

Маг промолчал, а Ворон потребовал повторить клятву Кирика:

— Кирик, повторяй за...

— Я никогда не признаю осквернённого человека тварью! Я никогда не пожалею осквернённого человека в бою! Я всегда выберу безопасность прежде милосердия! Клянусь!

— Я принимаю твою клятву, — удовлетворённо кивнул Ворон, начиная новый круг.

Когда же все охотники произнесли назначенные фразы, слово взял маг.

— Я, Веррин Оэрт по прозвищу Красный Лис, — представился он, подходя к братьям и жестом прося их поднять свои ладони, — Принимаю ваши клятвы.

После он свёл ладони с Мариком и под его болезненное шипение с лукавым прищуром сказал:

— Ты будешь носить прозвище Торговец. Помни, Марик, не всё, что просят за серебро и золото, стоит того. Иногда лучше отказаться.

Разомкнув ладони с магом, Марик взглянул на свежие бугорки розовых шрамов на них и, морщась от боли, принялся на них дуть. А маг соединил руки с Кириком.

— Ты будешь носить прозвище Говорящий. Помни, что вовремя произнесённые слова порой разбивают камни, — объявил он, а затем с улыбкой добавил: — И сначала БЕЗОПАСНОСТЬ, а уже потом — милосердие, понял?

— Да, — смущённо улыбнулся Кирик и скривился от резкой, жгучей боли в ладонях.

— Тогда давайте отпразднуем этот момент! В нашем кругу чудесное прибавление!

Одобрительные вопли людей полностью сняли с парней напряжение, вызванное странным ритуалом. Ворон принялся срезать ломти прожаренного мяса заготовленным ножом, а остальные разливать что-то по кружкам и передавать друг другу. Кирику с Мариком тоже досталось по кружке, но оказавшаяся рядом Эхо быстро отобрала их у парней, перелила содержимое в свою кружку, а опустевшими запустила в излишне расторопных мужиков.

— Ну что, ребята, не думали, что станете сегодня не просто охотниками за Тварями, а вступите в настоящее Братство?

— Не знал, что охотники за Тварями вообще дают какие-то клятвы! — признался Марик, перекидывая из руки в руку горячий мясной ломоть, — А тут, оказывается, ещё и Братство.

— Не какие-то, — строго поправил Ворон, — И не просто Братство охотников на Тварей. Вы, ребята, сегодня стали членами Братства Заветов и получили право брать заказы на уничтожение осквернённых людей.

— Но... я не хочу убивать людей... — растерянно пробормотал Кирик, — Пусть даже и осквернённых.

— Ты не обязан, — мягко успокоил его маг, — Это право, а не обязанность. Обязанность убивать осквернённых лежит на Сквернобоях. Наше же Братство следует Заветам Королевы Глинделин, которая утвердила правила охоты на разумных изменённых, не позволяющие плодить убийц и отступников. Клятва содержит в себе только три первых обязательных для любой ситуации правила...

— Ой, Веррин, не грузи парней, — поморщился Ворон.

— Что значит "не грузи"? Они обязаны это знать!

— Обязаны. Но они в школе-то не учились, а ты им начинаешь про права и обязанности, и Заветы Глинделин, которые в академии преподают. Всё постепенно!

Маг сперва смутился, потом критично взглянул на парней и отмахнулся от Ворона:

— Они умные, поймут! Так вот... А... Кто такая Королева Глинделин, знаете же?

— Нет, — одновременно ответили парни.

— Так. Ладно, — слегка растерялся Веррин, но продолжил, — А про Двадцатилетнее Вымирание? Когда формировался Рубеж? Как же... А как возводили стены внешнего кольца? Вы что, не знаете, как возводилась стена вашего города?

Братья Кор, во все глаза уставившись на мага, отрицательно мотали головами.

— А я о чём! — рассмеялся Ворон.

— Да как такое может быть! — столь искренне возмутился Веррин, что братья стыдливо склонили головы, — Откуда тогда вы узнали про Скальный Град?

— Маг сказал, — ответил Марик, с подозрением прищурившись на Веррина, — А Вы, вроде, говорили, что не знаете, где он...

— Такого я не говорил, — усмехнулся маг и назидательно поднял указательный палец, — Я сказал, что не знаю, что это такое!

— Как такое может быть? — возмутились теперь уже братья, — Знаете, где, и не знаете, что?

— Это как раз просто! Скальный Град — обозначение на старой карте, входящей в исторические труды, в области глубокого Рубежа, практически на границе с Опустошением. Вот только там уже давно никто не бывал, и по обозначению не понятно, что этот "Град" из себя представляет.

— Где он? — столь напряжённо спросил Кирик, что маг тут же насторожился.

— Вам-то это зачем?

— Нам надо.

— Так не пойдёт. — Веррин строго сложил руки на груди и замолчал.

Братья обменялись взглядами, и, вздохнув, Марик сказал:

— Нам велели отправиться в Скальный Град...

— Кто велел вам такую чушь?! — фыркнул Веррин.

— Старый маг, который забирал нашу младшую сестру.

Брови мага взлетели на середину лба и застыли, как приклеенные. В полной тишине, вдруг воцарившейся в лагере, он спросил:

— А имя у этого старого мага есть?

— Магистр Сторн.

Маг фыркнул и рассмеялся в голос, и сквозь смех спросил:

— И как он выглядел, этот... этот Магистр Сторн?

Мальчики снова переглянулись, каждый ждал от другого каких-то подробностей о внешнем облике Магистра, но никто не мог припомнить ничего особенного, а смех Веррина постепенно стихал, становясь неестественным. Наконец, Кирик неуверенно произнёс:

— Ну, он такой... Старый. Если не верите, мы вам бумагу покажем, которую он оставил! Веррин очень тяжёлым взглядом вдруг потемневших глаз уставился в огонь костра.

— Да нет, кажется, верю, — сказал он, — Расскажите-ка мне свою занимательную историю, парни.

Глава 8

— Утром сестру увели, а того мага мы больше не видели... — закончил свой рассказ Кирик.

Он сидел в нагретой Тлеющей Тигрицей каменной комнатке прямо на тёплом полу. Веррин отвёл его сюда, когда решил, что этот разговор не должен коснуться посторонних ушей, а Марик остался с охотниками у костра, так как не присутствовал лично при интересующем Веррина разговоре с Магистром Сторном и никак не мог его слышать.

Напротив Кирика сидел сам маг, слегка облокотившись спиной на спящую Тигрицу, и кожа на его руках мягко светилась в темноте, давая достаточно освещения, чтобы создать уютную обстановку. Маг очень внимательно следил за рассказом парня и ещё внимательнее — за его лицом и движениями.

— Постарайся припомнить в точности, что именно велел тебе сделать этот маг? — спросил Веррин.

Кирик закрыл глаза и поднял в памяти тот момент из прошлого. Несмотря на прошедшие полтора года, парень помнил его, словно тот случился всего мгновение назад, и без труда повторил повеление старого мага слово в слово:

— Ты отправишься в Скальный Град и возьмёшь огненную виверну. Именно огненную. Затем прибудешь в центральный вербовочный пункт в столице. И заключишь контракт. На срок от двадцати лет. С обязательным условием. Четырёхлетнего обучения в Воздушной Академии. Обязательно. Не дай себя обмануть. Ты имеешь полное право на бесплатное обучение. В академии. При наличии у тебя личного. Прирученного крылатого существа. И твоя сестра пусть настаивает на обучении именно в этой академии. Ей отказать не должны. У тебя есть три-четыре года, не торопись, но и не затягивай.

— Это всё?

— Всё.

— Скажи, Кирик, а этот маг случайно не совершал какие-либо необычные движения, пока говорил это?

Парень пожал плечами.

— Может, он перебирал пальцами? Например, как-то вот так... — маг показал руками несколько странных жестов, — Или держал что-то в руках? Попытайся вспомнить его руки.

— Его руки были сложены вот так, — Кирик сложил руки в замок и подпёр ими подбородок, — И ещё он погрозил пальцем, когда говорил про академию... Больше ничего такого.

— А на пальце у него были какие-нибудь кольца или перстни?

— Нет, не было...

— Скажи, о чём ты думал в этот момент?

— Честно говоря, только о том, как бы всё запомнить... И ещё о том, что не увижу сестру все эти три года.

— А что чувствовал? Может быть, страх? Или чувство долга, жажду броситься исполнять повеление тут же?

— Нет, ничего такого... Я... только...

— Да-да, Кирик, говори открыто, ничего не стесняйся.

— Я просто поверил, что смогу сделать то, о чём говорил маг. Я и сейчас в это верю.

— И ты не боишься?

— Боюсь... — признался парень, смущённо взглянув на мага исподлобья, — Я же ещё ничего не умею. Ничего не знаю. Как я возьму виверну, если даже не знаю, как она выглядит? Или я могу не дойти просто потому, что заблужусь. Я, конечно, верю, что всё получится, если я приложу к этому достаточно усердия... Но всё равно боюсь...

— Это хорошо, друг мой! — удивил его Веррин радостным заявлением, — Это очень хорошо! Это значит, что ты не стал жертвой внушения Слышащего. Вот если бы ты сказал, что не боишься и готов идти к Скальному Граду прямо сейчас, это было бы плохо...

— Вы хотите сказать, что старый маг мог как-то меня околдовать?

— Магистр Сторн мог. Ему бы за это даже ничего не было... Но, по-видимому, не стал.

— Кто вообще такой этот Магистр Сторн?

— О, если ты исполнишь назначенное, ты это непременно узнаешь сам, — улыбнулся маг и тут же поправил себя, — Когда ты исполнишь.

— Вы так уверены в этом?

— Видишь ли, Кирик... Есть одна маленькая деталь, которая, несомненно, очень поможет тебе на выбранном пути. Я узнал о ней в ту ночь, когда мы с тобой встретились, но даже подумать не мог, что ты сам об этом не знаешь... И надеюсь, ты окажешься достаточно умён, чтобы об этом больше никто и не узнал...

— Вы о чём?

Маг медленно прикрыл глаза, и его веки засветились изнутри, но чуть слабее, чем руки. Он заговорил тем самым глубоким, низким голосом, каким говорил при их первой встрече, когда лечил Ворона, но постепенно сияние меркло, а голос приходил в норму, пока маг не открыл глаза.

— Ты даже не заметил, что в тот момент, когда ты отбивал своего товарища от зубов Твари, маленькая капелька её слюны попала на твою кожу в щель между рукавом и перчаткой. Ведь ты подрос за прошедшее лето, а мать уделяет так много времени твоей годовалой младшей сестре и просто не успела подшить для тебя шубу старшего брата, и ты по-прежнему ходишь в своей прошлогодней, рукава которой стали уже коротки...

— Как Вы узнали всё это? — восхитился Кирик.

— Не думал же ты, что я зовусь Видящим лишь потому, что могу видеть Скверну? Или думал? Эх, деррррревня...

— Тот маг тоже так говорил, — припомнил Кирик с улыбкой.

— Все столичные так говорят, — улыбнулся в ответ Веррин.

— Так, выходит, что Искра слизнула с меня Скверну?

— Нет, Кирик, если бы на тебе была Скверна, я бы сразу её убрал.

— Тогда как? Не понимаю...

Кирик поднял к глазам своё запястье, на котором ещё сохранялся небольшой красный след ожога от тигриного языка.

— Такое бывает. Очень редко, но бывает. Ты знал, что маги не могут заразиться Скверной, как и магические существа? Ну да, прости, откуда тебе такое знать... Так вот, за свою сестру можешь не беспокоиться. Ей не грозит участь той несчастной, которую мы сегодня... Не бери в голову.

— Так что же, получается, я тоже маг?

— Нет, Кирик. Ты не маг. Но магия есть в твоей крови. Магия Велдов.

— Кто такие Велды?

— Это один из наших народов-предков, которые обладали большой магической силой. Ещё в далёкие времена они спустились с гор и принесли свою магию обычным людям, а со временем полностью слились с ними в единый народ. Таких народов было несколько. Но подробнее об этом ты узнаешь в академии. Сейчас же я хочу поведать тебе только то, что поможет тебе до неё дожить. Так вот, Кирик, хоть ты и не маг, но, как говорят маги, кровь Велдов в тебе сильна. Магия есть в твоей крови, но ты не можешь ею пользоваться. Однако, она может пользоваться тобой. Она и защищает тебя от Скверны — для этого её достаточно. Когда капля Скверны попала на твою кожу, магия крови вступила с ней в некое состязание: кто кого первым сумеет изменить. И победила магия твоей крови. А на коже остался след, как это ни странно

звучит, изменённой Скверны. Такие следы постоянно возникают на мне, если приходится вступать в довольно близкое противоборство с изменёнными. Они быстро исчезают, как пятнышки от дешёвых чернил. Но есть в них маленькая особенность: их запах, а точнее запах изменённой Скверны, очень привлекает магических существ. Поэтому Искра тобой так заинтересовалась... и подарила тебе свой горячий поцелуй...

Маг потрепал по шее наострившую на своё имя уши тигрицу и продолжил:

— В общем, так, Кирик. Магия крови не всесильна. От случайных попаданий Скверны она тебя защитит, пока этой Скверны не станет слишком много. Проверять предел никто не пытался, но случаи заражения таких, как ты, были. Правда, есть ещё один плюс... Наверно... Изменить твоё тело Скверна уже не сможет, она тебя просто поглотит и убьёт. Через какое-то время...

— А как на счёт моих братьев? Они тоже защищены от изменения?

— Марик точно нет, — разочаровал его маг, — Старшего я не видел, не могу сказать.

— Как так получается, что у одних родителей рождаются обычные дети, маг и такой, как я? — задумчиво пробормотал парень, — Мы ведь одной крови.

— Ещё один вопрос, на который я не знаю ответ! — театрально вскинул руки кверху маг, — Над этой загадкой ломает умы целое министерство учёных, Кирик. До сих пор ответа не нашли. А что твоя младшая сестра? Она не маг?

— Нет, к счастью. Мать бы не пережила такого...

— Если у тебя есть какие-то вопросы, задавай сейчас. Утром мы расстанемся, — предупредил Веррин, отвлекая парня от переживаний за семью.

Кирик тут же с сожалением взглянул на Тлеющую Тигрицу, чья крупная чёрная с проблисками искр морда так умильно вывернулась, подставляясь под ласку хозяина.

— Ах, вот как! — изобразил обиду маг, — Значит, по кошке ты будешь скучать больше, чем по мне?

Кирик постарался вернуться к серьёзному настрою и сосредоточился на деле.

— У меня есть несколько вопросов, — сказал он, — Для начала, я хотел узнать: сегодня на озере Вы правда собирались сжечь осквернённую девочку обычным огнём? Или это было очередное представление для нас?

— Какой хороший вопрос... — таинственно улыбнулся маг, — Ты ведь помнишь, что я сказал тебе, Говорящий?

— Сперва безопасность, потом милосердие. Да, помню. Но для Вас это не было опасно, так? Вы могли сжечь её своей магией, но не сделали этого. Почему?

— Ты прав. Совершенно прав. Я бы сделал это, если бы ты с братом так и не вмешался в ситуацию. Но всё обернулось наилучшим образом! Ты знал... Ах, да... не знал... Сожжение изменённых с помощью магических огненных существ считается самым милосердным. Их пламя испепеляет мгновенно. Даже мои огненные заклинания не столь эффективны, как одна прелестная лапка этой капризницы!

Кошка по ставшему таким ласковым и игривым тону мага почувствовала, что говорят о ней, вдруг заурчала, и комнатка наполнилась звуком, похожим на дробное стучание колёс телеги по мелким камням.

— А огненных магических существ много? — спросил Кирик.

— Нет, их как раз очень мало, в отличие от ледяных существ... Разнообразные тлеющие кошки, саламандры, огненные виверны, магмазмей и огненный шелкопряд — все кто известен на сегодняшний день. Шелкопряды вообще бесполезны для человека, сами они очень хрупкие, а их нити гаснут и осыпаются пеплом от соприкосновения даже с влажным воздухом. Саламандры — просто горящие ящерицы. Как и шелкопряды, они дрессировке не поддаются вовсе, их разве что в банку собирать. Магмазмей — очень серьёзные существа. Умные, быст-

рые, отличные партнёры и защитники. Но им нужна особая среда, очень жаркая и сухая. Ну и для тех, кто верит в сказки, можно назвать драконов.

— Почему сказки?

— Потому что в исторических записях нет ни одного реального упоминания дракона, как живого существа. Они живут только в народных сказках.

— А кто это вообще?

— Ха! Удивил! Думал, уж сказки ты должен знать получше меня! Ну, в сказках говорится о том, что драконы — это разумные и уникальные магические существа, у которых нет даже приблизительно общей видовой формы... Э... Ну, как бы сказать... Один дракон может выглядеть, как странная виверна, а его ближайший по крови собрат, как какой-нибудь гигантский земляной червь.

Кирик попытался представить себе таких существ и быстро сдался.

— Кстати, а как выглядят огненные виверны? — спросил он.

— Как странные драконы... — как нечто само собой разумеющееся, ответил маг и тут же улыбнулся, — Шучу. Ящериц видел? Вот представь себе ящерицу с длинной шеей, длиной тела примерно, как ммм три такие комнатки, как эта. И вместо передних лап у неё крылья, знаешь, как у летучей мыши? Ну вот. И огнём она плюёт получше, чем Кочка.

— Как же её взять-то, такую большую, ещё и с крыльями?

— То есть огонь тебя не пугает?

Кирик пожал плечами.

— Хорошо... У каждого магического существа, Кирик, есть свои слабости. О слабостях виверн я могу только догадываться. Но вот эту капризную девицу я взял огнём и лаской.

— Как это?

— Сначала сжёг ей хвост... Случайно, честное слово... — прижав руки к груди, искренне заверил он приоткрывшую один глаз кошку, — А потом залечил. Этот метод часто используется в приручении магических существ. Считается, что ты должен показать зверю, что ты сильнее него в его же стихии, а потом дать своё покровительство. Закон иерархии называется. Но с виверной... Я даже не знаю. Она же не просто огненная, она ещё и воздушное существо. То есть ты должен победить её в нескольких стихиях. В исторических трудах говорится о том, что виверн приручали те, у кого уже были виверны. Эти маги, — да, Кирик, это были именно маги, — посылали своих виверн загонять диких сестёр, а сами встречали их огнём уже на земле, когда они выматывались от слишком длительного полёта. Жгли им хвосты, не сильно, но чувствительно, чтобы виверны признали поражение. Потом лечили, кормили и показывали на примере уже прирученных, что подчиняться магу выгоднее, чем рваться на свободу. Но нигде не сказано, как эти маги брали своих первых виверн... Вот ты нам об этом и расскажешь! Да, дрыхнула моя ленивая?

— Не представляю, что я буду делать без Ваших наставлений... — вздохнул Кирик, вспомнив, что утром с магом придётся расстаться.

— Иди с Вороном, Кирик. Иди, не бойся. Он — один из лучших в нашем кругу, если не самый лучший... Не смотри, что он так глупо подставился под Скверну: случайности случаются. Эта профессия опасна. Но за его плечами огромный опыт! А главное — он ещё не потерял ни одного охотника под своим командованием. Ты сможешь очень многому у него научиться.

Кирик и сам хотел того же, но чувство, что время утекает, а он только-только приблизился к своей цели на один единственный первый маленький шаг, не позволяло ему согласиться с отсрочкой. Терзания его проступили на лице, и маг недовольно цокнул языком.

— Но мне нужно в Скальный Град, брать виверну, а не учиться охотиться на Тварей... — попытался объяснить парень.

— А для чего тебе, по-твоему, виверна? — неожиданно раздражённо ответил Веррин, — Думаешь, Магистр Сторн направил тебя за огненным магическим зверем, чтобы потом перед советом козырнуть? Ну да, не думаешь... Всё это нужно лишь с одной целью, Кирик: очистить наш мир от Скверны! Уже более полутора веков ни один человек даже не видел живой виверны! А главное — и не стремился увидеть! Те виверны, что жили здесь, вымерли давно. Новых не появлялось. Видимо, Магистр как-то вычислил место их обитания. Раз он посылает в этот Скальный Град недоросля, вроде тебя, значит имеет все основания для этого... Хотя, конечно, странно, почему он не послал туда на разведгруппу Сквернобоев... О. Ооо...

Лицо мага вытянулось, а взгляд ушёл "в себя", и на какое-то время воцарилась тишина. Кирик не мешал ему думать, но так и порывался спросить, почему же этот Магистр Сторн в самом деле направил на столь опасное задание несмышлёного ребёнка, которому тогда было всего двенадцать лет, а не лучших охотников на Тварей, если это и в самом деле так важно?

— Так, Кирик, — вернувшийся из своих размышлений очень хмурым и озабоченным, строго сказал маг, — Ты не торопись со своим планом. Как минимум год в запасе у тебя ещё есть, вот и посвяти его развитию. Охотники многое могут поведать о повадках существ, и не только изменённых. А я пока кое-что разузнаю... Жди меня. Я вернусь, найду тебя и сам лично провожу до Скального Града, если ты всё ещё будешь этого желать. Не позднее, чем через год, обещаю!

С этими словами Веррин поднялся, с трудом перешагнув через развалившуюся на пути тигрицу и направился на выход, но в дверях остановился и строго наказал:

— Никому не говори про свою кровь и её особые свойства, Кирик. Даже братьям. Никогда.

Парень кивнул.

— И ещё... Будут появляться пятнышки от Скверны — сразу прижигай их, чтобы избежать вопросов. Или замазывай грязью. На рожон не лезь. Веди себя так же осторожно, как вёл бы себя любой охотник. Денег с этой охоты тебе хватит, чтобы купить добротную защиту и оружие, Ворон поможет выбрать... Ах, да! Старший брат. Как его зовут?

— Годур, — ответил парень, — Хотите проверить его тоже? Он служит стражником на стене в городе.

Маг серьёзно кивнул и, тут же расцветая радушной улыбкой, поманил Кирика за собой:

— Идём, новичок! Впереди ещё долгий вечер, полный самых честных охотничьих историй и откровенных баек! Готов поспорить, что ты ещё не слышал о том, как Холод дважды пересекал Рубеж и охотился в Опустошении! Эта история стоит того, чтобы помёрзнуть снаружи!

Такому приглашению Кирик не имел сил отказать, хотя и покидать нагретую комнатку, выходя на ночной морозец, было неприятно.

Снаружи всё было по-прежнему. Охотники сидели вокруг костра, пили, ели, общались, но как-то тихо и скованно. Холода не было, видимо отошёл, а Марик сидел рядом с Эхо и сравнивал оставленные во время ритуала шрамы на их руках.

— А когда тебе успели провести посвящение, Эхо? — спросил Кирик, подходя к этой парочке.

— Сегодня утром, прямо перед охотой, — ответила женщина с несколько виноватой улыбкой, стрельнув глазами в Ворона.

И Ворон объяснил. Беспощадно и честно.

— Она, как услышала, кого мы будем загонять в долину, чуть нам всю охоту не сорвала. Пришлось объяснить Эхо, кто такие осквернённые люди, и почему их НЕОБХОДИМО уничтожать. Даже, если это кажется "бесчеловечным варварством"...

— И почему же? — с вызовом спросил Марик, отвлекая Эхо и Ворона от переглядываний.

— А потому! Что изменённое существо, кем бы оно ни было, всегда стремится к тому, что помнит. И к тем, кого помнит. Коснулся волк Скверны, прошли изменения, вроде уже и не совсем волк, а всё по старой памяти в стаю бежит. И остальных либо съедает, либо Скверну передаёт. Так и человек. Осквернённый стремится к дому, хоть людей и боится. Он будет обитать где-нибудь неподалёку, по ночам в огороды лезть, домашних животных таскать, Скверну разносить. И хорошо, если его вовремя заметят! А если осквернённый проживёт дольше нескольких смен сезона, он способен адаптироваться к внешнему виду и поведению нормальных людей! Скверна всегда изменяет тело носителя под условия среды. А для человека среда — это дом и семья, круг таких же, как он. Конечно, это уже не человек, там от человека осталась только память, он даже говорить уже не способен, но притвориться "своим" может запросто. Без Драконьей Слезы в тёмном переулке и не отличишь.

— А почему тогда в клятве первые слова "не признаю осквернённого человека Тварью"? — спросил Кирик, — Он же от Твари, получается, не отличается уже? Разве что умнее намного...

Охотник усмехнулся. Он посмотрел на Кирика очень проникновенно, но не заметил никаких признаков смущения, и, признавая его любопытство и справедливость вопроса, ответил:

— А эти слова и не для осквернённого человека в клятву включены. Они для нас.

Кирик выбрал себе место рядом с Вороном и сел, внимательно слушая завязавшийся рассказ. Его взгляд то и дело возвращался к свежим шрамам на ладонях. Отёк, вызванный ожогами, уже начал спадать, и страшноватые бугры постепенно обретали более тонкие и чёткие очертания. В них уже можно было разглядеть удивительно ровный круг с бегущей по внутреннему краю строчкой пока ещё неразборчивых слов.

На это обратил внимание и Ворон. Указав на символы в круге на своей руке, он сказал:

— Это значит: "Тот, кто хранит внутренний круг, должен сохранить круг внутри себя". Это - первый завет королевы Гвинделин и принцип, по которому мы выбираем, кого принимать в наш Круг, а кому отказать. Ты сможешь сам прочитать надпись, когда она полностью сформируется.

— И что это значит? — спросил Марик.

— Всё довольно просто, — усмехнулся Ворон, — Но вы должны понять это сами. Это своего рода проверка на то, правильный ли выбор мы сделали.

Разочарованные вздохи братьев слились в один, а по таинственно притихшей Эхо, парни поняли, что она уже знает разгадку.

— Хотя... Учитывая, что вы даже не знаете, как строилась стена вашего города, не удивлюсь, если такая проверка окажется для вас непроходимой...

— Нет, почему же? — возмутился Кирик, — Я понял.

— Уже? Поведай же нам, о, гений, что ты понял?

— Это ведь всё сказано про людей, так? Входящий в круг получает право охотиться на осквернённых людей. Ты говоришь о нашей стене, а маг упоминал внешнее кольцо. Я правильно понял, что наша стена — часть этого внешнего кольца?

Маг с улыбкой кивнул, и Кирик продолжил рассуждения:

— Значит, следуя подсказке Ворона, этот круг связан с внешним кольцом, которое защищает людей от Скверны. Снаружи Скверна — люди внутри. Отец часто повторяет, что не позволить Беде изменить нас всех мы можем только, если сами при этом не изменим себе. Что мы должны оставаться людьми и помогать друг другу. Вот и получается, что те, кто хранит людей от Скверны, сами должны...

— Оставаться людьми, — догадавшись с подсказки брата, одновременно с ним произнёс Марик.

— Вот тебе и необразованные деревенщины, — довольным тоном произнёс Веррин, глядя на Ворона, — Всё верно, друзья! Так говорила сама королева Глинделин: "Тот, кто хранит мир людей от Скверны, прежде всего должен сберечь от скверны своё сердце". Половина из присутствующих здесь далеко не сразу понимали, о чём идёт речь, а эту фразу воспринимали буквально, или думали, что она говорит о какой-то магии. На самом же деле всё очень просто. В те времена, когда к власти только пришла королева Глинделин, Рубеж был очень мал, изменённые Твари валили целыми полчищами и уничтожали всё живое на своём пути. Благодаря огненным вивернам их натиск удавалось сдерживать, и в относительно безопасном тылу маги по приказу Её Величества выстраивали стены в узких местах в проходах между гор и рек. А кое-где и вовсе горы поднимали. Они создавали безопасную зону для жизни людей, которую и по сей день называют Внутренним Кругом. Но в те времена люди сталкивались со Скверной гораздо чаще, чем сейчас, и изменённых было очень много. Особенно людей. Для уничтожения осквернённых тогда же и был создан Орден Сквернобоев, но не было запрета на убийство изменённых людей обычными охотниками. Вы должны понимать, это были злые времена. Люди были ожесточены и привычны ко всяким мерзостям...

— Вы же помните, как мы убивали Тварь в вашей деревне? — перехватил слово Ворон, — Это зрелище не для малодушных. Повсеместно такое происходило и с изменёнными людьми. Это сейчас мы можем вызвать на дело мага. Или владельца магического существа, чтобы расправиться с осквернённым быстро и без лишней жестокости. А тогда магов и виверн на всех не хватало. Справлялись, как могли. И люди... Сходили с ума. Они начинали наслаждаться мучениями осквернённых, приходили к самым жестоким методам...

Ворон остановил себя, почувствовав дрожь сидящего рядом Кирика.

— И это породило целые банды, которые занимались целенаправленным уничтожением осквернённых людей, — продолжил Веррин, — В какой-то момент реформы, проведённые королевой, и действия талантливых стратегов начали давать стабильный результат, и Скверна была отброшена назад, Рубеж создавался уже не со стороны внешнего кольца, а со стороны Опустошения. Изменённых тварей и осквернённых людей становилось всё меньше, а голод ожесточённых охотников возрастал. Никто не знает, когда это началось, было ли положено начало этому периоду стихийно, или в игру вступили политические противники королевы Глинделин, авторитет которой взлетел выше Тальских гор... Кхем... Да... Ну, если короче, начался период "Двадцатилетнего Вымирания". Несмотря на отброшенную от границ круга Скверну, люди внутри круга начали с поразительной скоростью заражаться ею. Целые города осквернённых сжигались даже с неизменёнными людьми внутри, чтобы не допустить распространения Скверны. Чтобы определить источник её возникновения внутри круга, создавались учёные советы, привлекались лучшие Видящие и Слышащие страны. Но проводимые расследования не давали результатов. Скверна просто возникала в человеческих поселениях, словно из ниоткуда. Пока однажды маги не догадались проверить тех, кто эту Скверну по идее должен был ненавидеть больше всех...

— Сквернобой... — поражённо прошептал Кирик.

— Именно.

— Они что, специально оскверняли людей??? — с ужасом возмутился Марик, чувствуя, как по спине побежали мурашки, а желудок болезненно сжался, — Чтобы потом их сжечь?

— Да, Марик, — печально подтвердил маг, — Кто-то даже думал, что Скверна каким-то образом научилась изменять сердца людей, не попадая в их тела. Но это не так. Эти люди были совершенно обычными, такими же, как все мы. Их свела с ума эта война! Так или иначе, Орден Сквернобоев был взят под строжайший контроль Слышащих и Видящих, все виновные казнены, а в стране введён запрет на убийство осквернённых людей без специального разрешения органами надзора. Но период "Вымирания" продлился ещё восемнадцать лет, пока не были вычислены и уничтожены все банды, распространяющие Скверну. Чуть позднее уже был

издан закон, названный Заветами Королевы, Братство Заветов и ритуал, который вы сегодня прошли, а вслед за ним и Королевская Служба Надзора за Экстраординарной Охотой. И ваш покорный слуга, являясь инспектором этой службы и членом Братства, имеет право и обязанность вербовать в него новобранцев.

— Значит, это Вы решаете, кого принимать, а кого нет?

— Не совсем, Марик. Любой брат имеет право наложить вето на моё решение, если у него есть сомнения в моём выборе. Но, как видите, ваши кандидатуры были приняты единодушно.

Маг развёл руками, как бы показывая на всех собравшихся охотников, которые сейчас, тихонько улыбаясь и кивая, подтверждали его слова.

— Я не совсем понимаю... — подал голос Кирик, — Вы теперь должны будете следить за нами, чтобы мы не сошли с ума во время охоты?

— Нет, Кирик, это уже не требуется. Ритуал и печати на ваших ладонях магические. Если вдруг случится так, что я окажусь не прав, и охота на осквернённых людей сведёт вас с ума, печати изменятся, а я, как допустивший ошибку, буду обязан либо уничтожить вас, либо, если всё будет не так страшно, ограничить вашу свободу и пожизненно обеспечивать... Но этого не случится.

Веррин так спокойно и убедительно произнёс последние слова, что братья ему сразу поверили.

Глава 9

Утром, выйдя из все ещё хранящей тепло комнатки, Кирик и Марик не увидели ни мага с тигрицей, ни его людей среди собирающихся в путь охотников. И даже колеи от тяжёлых саней на единственном выезде с территории заставы было не разглядеть под высоким слоем свежего нетронутого снега. Густой снегопад погрузил внутреннее пространство заставы в таинственный полумрак и уже скрыл почти все следы человеческого присутствия, будто выгонял людей со двора.

— Они ушли ещё ночью, — коротко ответил на вопрос Кирика Ворон, поглядел на парней с подозрением и поторопил их со сборами.

В дорогу отправились уже минут через десять.

Так как снегоступы были лишь у Ворона и Холода, мужчины шли первыми, прокладывая тропу для остальных. За ними — Эхо, а братья шли позади, периодически подсказывая путь по своим ориентирам, которым и сильный снегопад не был помехой. Отсутствие обоза существенно облегчало продвижение, и, даже не смотря на снегопад, на середину пути они вышли ещё до полудня. Остановились на отдых в лесу. Разводить костёр не стали, просто сели в закуток под прикрытием часто стоящих в кружок пушистых елей, обрубив сухие, облысевшие ветви понизу, и разделили остатки вечерней трапезы.

Все молчали, слушая, как шуршат тяжёлые снежинки, падая в глухую тишину заснеженного леса. И, наслаждаясь этой тишиной, Кирик тихонько опустил лоб на колени, зажмурился и погрузился в воспоминания о подобных этому ещё недавно таких простых и детских днях, проведённых в деревне.

— Так и будете молчать, парни?

От чуть приглушённой снегом грубости в голосе Ворона парень вздрогнул и посмотрел на охотника с недоумением.

— А что говорить? — спросил он.

— Эк! — крикнул Ворон, изображая недовольство, — Думал, вы с самого утра начнёте проситься ко мне в отряд! А вы ещё и не знаете, что говорить. Не уж-то это мне надо вас уговаривать?

Марик заулыбался, словно ему подарили золотой, и уже был готов бросить его в свой мешок. Но Кирик, тяжело вздохнув, оборвал его веселье.

— Сперва мы должны поговорить с Годуром, старшим братом, — сказал он, — Он точно будет недоволен, что мы пошли на охоту без него. А когда узнает, что нас приняли в Братство охотников на изменённых...

— Вообще-то, ритуал является таинством. И рассказывать о нём и его правилах, и о том, что вы состоите в Братстве Заветов, непосвящённым нельзя. Это и тебя касается, Эхо. Не светите своими кругами и держите язык за зубами.

— Рано или поздно мои ребята точно увидят шрамы и узнают, что за ними стоит, — хмуро возразила Эхо.

— Поэтому тебе я тоже предлагаю присоединиться к моему отряду.

Ворон улыбнулся так хищно, словно загнал в западню крупную дичь. А Эхо улыбнулась в ответ.

— Ну, ты и прохвост, Ворон! — возмутилась она, — Специально так устроил, да?

— А то! Не пропадать же такой лучнице в кругу бездарей!

— Не правда. Вот уж не правда, Ворон, — женщина строго замотала головой, — Мои ребята — отличные охотники и товарищи! Да, они не смогли проявить себя на первой охоте. Но нас было слишком много! Мы сами друг другу мешали. А ведь у каждого из них за плечами

годы опыта в охоте на самых разных зверей. Морис вообще на магических существ ходил с королевскими егерями. Почти восемь лет.

Последний аргумент сбил довольство с улыбки Ворона. Он удивлённо хмыкнул, а Кирик внезапно привстал и запросил:

— А возьми меня в свой отряд, Эхо!

Женщина от неожиданности растерялась, как, впрочем, и все присутствующие.

— Кирик, ты чего? — хлопнул брата по ноге Марик, — Мы ж к Ворону хотели?

— Ты не понимаешь, Марик! — разволновался Крирк, — Нам не на Тварей охотиться надо! Нам нужно к тем, кто добывает магических зверей! Нам нужны такие, как Морис, а не такие, как Ворон

Кирик замолк, понимая, что ляпнул, не подумав, но было уже поздно. Ворон привстал, насколько позволял низкий полог их природного укрытия, грозно навис над парнем и неожиданно одарил его весьма болезненным щелбаном. Кирик, ойкнув, вывалился из укрытия в сугроб.

— Остынь-ка, парень, — прогудел охотник и опустил на своё место, хмуро наблюдая, как Кирик трёт раскрасневшийся лоб. Некоторое время он угрюмо молчал и прожигал дырку в парне своим тяжёлым взглядом жгуче-чёрных глаз. Но вскоре перевёл дыхание и усмехнулся: — Вот уж точно маг сказал, что ты не владеешь собственным умом.

— Так и сказал? — смущённо пробормотал Кирик.

— Послушай, парень, — вмешался в разговор Холод так тихо, что Кирик поднялся и залез обратно под ели, чтобы расслышать, что хочет сказать молчаливый обычно старик. Он сидел с закрытыми глазами, откинув голову на ствол ели. Могло показаться, будто он говорит во сне, и оттого голос его не сквозил пробирающим холодом, а речь не была скупа, как прежде, — Королевская охота на магических существ — это не то, что ты себе представляешь. Это опасное и жестокое развлечение для придворных особ. Оно считается благородным делом вельмож, но благородства в нём давно уже не осталось. Когда толпа раздетых в золото людей и магов загоняет в ловушку заранее отловленного и доведённого голодом до бессилия снежнорогого оленя и пытками раскалённым клеймом заставляет его признать поражение и склониться, — это уже не охота. Это изуверство, которое ставит человека не выше изменённой Твари. Поверь мне, лучше прожить всю жизнь, шляясь по Рубежу и охотясь на осквернённых, чем согласиться с порядками, заведёнными у королевских егерей.

Холод открыл глаза, чуть склонил голову и, взглянув на Кирика, добавил:

— Ты можешь видеть смерть осквернённого ребёнка и не сойти с ума. Но ты не сможешь остаться в здравом рассудке, видя, как люди сами себя оскверняют. Это не твой путь. Поверь старику, Кирик. Я уже много лет ношу свои круги

Кирик пристыжено склонил голову под удивительно тёплым взглядом старика Холода и пробормотал:

— Простите, я сглупил.

В город охотники вошли уже в темноте, незадолго до закрытия врат, и, распрощавшись до утра у дверей постоялого двора, разошлись. Марик и Кирик тут же кинулись к дому, полные волнительного предвкушения и представляя, как изменятся лица родителей, когда они увидят целую сотню настоящих серебряных монет, ставшую долей парней за охоту на осквернённого.

Такую сумму семья скопила бы разве что лет за пять! Хотя Годур и получал хорошее жалование — по три серебряных Короны в месяц, а Отец мог как получить за свою работу пять — семь серебряных, так и остаться ни с чем, ведь в их глуши не так-то часто пользовались услугами шорника, брали в основном упряжь для волов, да приносили в починку мелочь. Но этого вполне хватало, чтобы прокормить такую большую семью, а подработки Кирика и

Марика и небольшое подсобное хозяйство вдовы Валлы помогали отложить что-то и на будущее. Мать могла не работать вовсе, и спокойно кормила маленькую Сильву, а всё свободное от неё время посвящала хозяйству и заботе о семье. В общем, семья не бедствовала, но и изысков позволить себе не могла. И лишившись в один момент трёх кормильцев, несомненно, потеряла бы достаток.

Размышляя об этом, Марик притормозил на пути к дому и потянул за рукав брата.

— Постой, — сказал он, насупившись, — Кирик, а ты не думал, как они тут без нас справляться будут? Матери придётся искать работу. И тётке Валле, а она уже немолода.

— Всё ж меньше ртов кормить, — пожал плечами Кирик.

— Тебе совсем мать не жалко? — отчего-то разозлился Марик.

— Жалко, конечно! Но она же не одна останется. И потом, мы обещали сестре

— Это ты обещал! Мы с Годуром просто тебя поддержали, чтобы ты так не расстраивался.

— Хорошо, я обещал, — признал Кирик, — И теперь я должен исполнить обещание. Но вы с Годуром разве не обещали помочь мне?

— А как же Сильва? Кто приглядит за ней, если мы все уйдём? Кто станет ей старшим братом? Она же тоже наша сестра! Тебе что, одна сестра дороже другой?

Марик возмущался всё громче и уже почти кричал в лицо брату. Его волнение передавалось и Кирику, но младший остановил готовые сорваться с языка слова «ну и оставайся тогда дома, а я один пойду». Он понимал, почему Марик ведёт себя так, ведь сам ужасно боялся покинуть семью, такие простые и родные края, в которых каждый камень поднимает знакомый бугорок сквозь метровый слой снега, менять на постоянные скитания, бездна знает где, в поисках опасности и жутких существ.

Но он обещал.

— Хорошо, — приняв решение, твёрдо сказал Кирик, — Оставь мою долю с охоты матери. Пусть заботится о Сильве и ни о чём не беспокоится. А я через какое-то время заработаю ещё и принесу. А ты... решай сам, что будешь делать. Я освобождаю тебя от твоего обещания.

Он вырвал свой рукав из маркиковой руки и побежал к дому, не обращая больше внимание на то, что кричит ему брат.

Марик же бежал следом, стирая набегающие на глаза и мешающие видеть дорогу слёзы, и кричал:

— Подожди, Кирик! Прости! Куда ты без меня, пропадёшь же...

А дом встретил розгами.

Ворон сидел за столом постоянного двора в окружении своих парней. Почти не жуя, он заглатывал сытный завтрак, состоящий из каши с рубленным мясом, пары варёных яиц и хлебных ломтей с маслом, и слушал рассказ Разбойника о том, как на обратном пути в этот унылый и захудалый городишко снова надравшийся Кочка учинил ссору с командой Эхо. А точнее с одним особо ворчливым и недовольным жизнью охотником по имени Морис, который продолжал подозревать Ворона в нечистой игре, теперь уже в виде сговора с магом с целью введения в заблуждение неопытных команд и разыгрывании целых представлений. И всё, чтобы избавиться от конкурентов в особо прибыльной охоте.

Ворон не мог не согласиться с тем, что его поведение и роль мага в этой истории со стороны выглядели именно так, как описал это Морис. Но ему было совершенно безразлично, что этот Морис о нём вообще думает. Опасения внушало поведение Кочки. Ведь пытаюсь отстоять честь своего отряда и командира, этот идиот полез в драку с ножом и проделал в идеаль-

ном снаряжении неприятеля пару аккуратных, но всё же лишних и весьма заметных дыр. До серьёзных ранений дело не дошло, смутьянов скрутили и умыли снежком. Но, как говорится, осадочек остался.

В результате Морис пригрозил отряду Ворона жалобой в КСНЭО. А это могло оставить пятно на репутации Веррина.

Кочку решено было наказать. Своей доли за охоту он, конечно же не лишился, но делиться с этим пьянчугой звонкими с той самой «особо прибыльной» Ворон тоже не собирался. Как и включать Кочку в список приглашённых на следующий заказ. Озвучив приговор, Ворон раздал своим охотникам, всем, кроме Кочки, по пять серебряных Корон и велел готовиться к отбытию и ждать команды.

В этот момент дверь в зал постоянного двора распахнулась с такой силой, что удар её о стену сотряс потолок. В кашу осыпалась пыль.

В помещение, сверкая орлиным взглядом из-под соболиных бровей, чеканя шаг начищенными сапогами, прошёл высокий и статный молодой человек с широкими плечами и чертами лица, столь громко и бесстыдно вопящими о прямой родственной связи с братьями Кор, что Ворон коротко заржал в голос.

На этот голос тут же и нацелился молодец.

— Ты здесь Ворон, что ли? — дерзко спросил он.

И получив утвердительный кивок, приправленный смешком, ничуть не растерявшись, проследовал к забитому охотниками столу. Тяжёлый мешок, брошенный в середину стола, звякнул содержимым, а тот, кого Кирик, очевидно, и называл Годуром, чуть склонившись к Ворону, тихонько прорычал:

— Забирай свои деньги и проваливай из города, пока я не арестовал тебя за похищение детей.

Только Ворон подал своим охотникам знак «не вмешиваться» и собрался ответить, как молодец добавил:

— А магу своему передай, что его магические круги и заклинания на меня не действуют. Пусть ищет себе дураков в другом городе. Наша семья и так уже слишком многое отдала магам. Ты понял? Про-ва-ли-вай!

Годур хотел было эффектно развернуться на пятках и удалиться, но рука Ворона молниеносно поймала его запястье и вывернула так, что молодец зашипел от боли. Он вырвал запястье из хватки охотника и сам перехватил его за руку, точно так же выворачивая её ладонью к себе. А Ворон и не стал сопротивляться, и позволил молодцу разглядеть на своей ладони точно такой же круг, который украшал теперь и руки старшего брата Кор.

— Знаешь, дружище, — поковыряв в зубах ногтем, дружелюбно улыбнулся Ворон, — Я бы с большим интересом послушал твою историю о том, как этот рыжий прохвост вытянул из тебя клятву.

Пока молодец соображал, что происходит, Ворон вернул контроль над своей рукой, стянул со стола мешок с долей Кирика и Марика и поднялся.

— Это у вас тоже семейная черта — деньгами разбрасываться? — спросил он хмуро потирающего запястье Годура, — Пойдём-ка, брат, с отцом твоим поговорим. Что-то плохо он детей воспитывает. Хамят, дерзят, руки людям выкручивают. А что самое главное — совершенно не заботятся о благосостоянии семьи!

Годур удивил своим ответом. Он не стал спорить с Вороном и пытаться выставить его из города, как рассчитывал охотник, а злобно фыркнул и сказал:

— Отец мой сам хотел потолковать с тобой, да я его уговорил шума не поднимать. Но раз ты сам просишься... Так и быть, ступай за мной.

Ворон следовал за Годуром по узкой, извилистой улочке, что звалась здесь Главной и оставалась тёмной даже среди ясного дня. Город в целом внушал не самые приятные ассоци-

ации. Он не имел никакой логики в построении или общего архитектурного стиля. Не имел ни ратуши, ни главной площади, как подобает городу Внутреннего Круга с историей, насчитывающей уже больше двухсот лет. Кривые улочки стихийно вырисовывались между столь же кривыми каменными домиками. Всё, что определяло город, как город, — это большая бронзовая табличка, висящая над главными воротами с внутренней стороны, несущая его название, которое даже местные стараются лишней раз не упоминать, — «Тёплая Щель».

И не удивительно, ведь место, в котором он был построен, иначе, чем щелью, и не назовёшь. Когда-то здесь было одно из тех самых узких мест между скалами, в которых по приказу королевы Глинделин маги возводили стены, защищающие мир людей от вторжения Скверны. Каждая такая стена имела свою заставу с гарнизоном, а то и несколько, в зависимости от протяжённости самой стены, и соответственно пристройки для жилых и служебных помещений. Нередко вместе с несущими службу воинами к заставам прибывали и их семьи, да и новые тоже появлялись, ведь жизнь продолжала идти своим чередом. Со временем каждая застава начинала обрастать всё новыми домами и сооружениями, в которых размещались небольшие мастерские оружейников, каменщики, плотники, кузницы и ремесленные мастерские.

Вот так и здесь люди строили собственные мастерские и жилые дома вплотную к стене, прижимали их к скалам ущелья, врезались вглубь скал, крошили их, освобождая себе место для жизни, и создавали новый неповторимый рельеф местности, который теперь гордо, но опрометчиво именовался городом.

Ремесленные мастерские по-прежнему располагались в пристройках к самой стене, и, выйдя к городским воротам, Годур повернул на самую шумную и оживлённую улицу Тёплой Щели. Здесь, в цехах и мелких мастерских работала значительная часть населения города, и не меньшая его часть прохаживалась по рядам торговых лавок, выставляющих на продажу результаты их трудов.

Ворон даже успел мимоходом прицениться в паре лавочек, пока Годур не довёл его до шорной мастерской. Перед закрытой лавкой у привязи стоял высокий породистый конь, укрытый чепраком. А из самой лавки доносились недовольные голоса.

— Обожди, — скомандовал Годур и вошёл в лавку.

Когда дверь, хлопнув за молодым, чуть приоткрылась, и Ворон чётче расслышал перебранку внутри, один голос показался ему знакомым. Охотник не стал вмешиваться, но прислушался, без зазрения совести пристроив ухо к щели.

— Что это за дерьмо, я тебя спрашиваю! — горланил, по-видимому, недовольный заказчик, — Я просил подшить ремни, а не заменить их! Ты хоть знаешь, сколько они стоят, холуй!

— Нельзя их подшивать дальше, — удивительно спокойным, густым голосом отвечал мастеровой, — Коротки слишком стали, удила тянут. Ещё чуть подошьёшь — и лошадь слушаться перестанет. А ремни твои — вот, забирай. Мне чужого не надо.

— Да что ты мне даёшь? Это что ли мои ремни? Мои ремни с бляхами были, золочёными!

— Так вот же бляхи твои золочёные, на месте.

— Где ж они золочёные? За слепого меня держишь? Медь это!

— Так, поди, за столько лет-то поистерлись.

— Поистерлись?! Да это ты их мне и заменил! На медные! А мои были золотые!

— Только что золочёные были, а теперь золотые. Чего ль путаешь, добрый человек?

— Я-то путаю? Это ты, чернь, путаешь! Обокрасть меня вздумал? А ну, возвращай мне мои золотые бляхи!

На мгновенье воцарилась тишина, тут же нарушенная шумом падающих тяжёлых предметов, и третий голос чуть сдавленно пробубнил:

— Какие, говоришь, бляхи были?

— Погодь, бать, — вмешался Годур в разговор таким же спокойным и размеренным тоном, — Ты, любезный, не шуми почём зря. Мы здесь, у Рубежа люди подозрительные. Можем

чего и не так понять. Решим ненароком, что мошенничать вздумал, да в острог посадим. До выяснения обстоятельств, так сказать. А когда они ещё выяснятся Так что, любезный, лучше бери свою узду, плати по уговору и ступай своей дорогой.

— Х-хорошо... Хорошо, — сдавленно прохрипел недовольный заказчик, — Вот, как договаривались.

— Добро, — прогудел мастеровой, — Носи на здоровье. А коль износится, ко мне не приходи.

Заслышав приближающиеся шаги, Ворон отошёл от двери и притворился культурно ожидающим клиентом. Но когда из лавки шорника выскочил побагровевший почти до неузнаваемости Морис и принялся небрежно и грубо натягивать узду на голову сопротивляющегося скакуна, охотник не сумел сдержать насмешки и привлёк к себе внимание.

— Ты? — удивился Морис и тут же нахмурился ещё сильнее, — Следишь за мной?

— Что, Морис, какие-то проблемы? — проявил ядовитое участие Ворон.

— Не твоё дело!

Морис, наконец, справился с конём, вскочил ему на спину без седла и пустил рысью в сторону постоянного двора, не оборачиваясь.

— Заходи! — придержав дверь лавки, позвал Годур.

Пройдя внутрь, Ворон окинул взглядом небольшое помещение, стены которого сплошь были увешаны разнообразными шорными изделиями и кожаными ремнями. В дальнем углу перед дверью, ведущей в саму мастерскую, сидел за столом и старательно вносил запись в журнал дюже крупный чернобородый мужик. Рядом стоял ещё один, размерами поменьше, но всё же превосходящий в росте самого Ворона. Да и в плечах был не уже, а жилистые руки мастерового, по локоть оголённые, могли бы поспорить силой даже с Бивнем. Ворон сразу понял, что отцом братьям Кор приходится второй человек, ведь был он русоволосый, как братья Кор, голубоглазый, как братья Кор, и глядел на Ворона так же дерзко.

— Поговорим? — без расшаркивания предложил Ворон.

— Говори, — спокойно отозвался Брут.

Переговоры предстояли трудные, и чтобы начать с хорошей ноты, Ворон пересёк комнату и водрузил на стол злосчастный мешок с серебром. Внимание пишущего тут же переместилось на источник приглушённого звона, а затем на разворачивающуюся рядом сцену.

— Это не моё серебро, — сразу объяснил охотник, — Это награда Марика и Кирика за их вклад в охоту на изменённых. Парни её честно заслужили, и возвращать ничего не должны.

— Кто вообще допустил их к охоте? — мрачно двинулся на Ворона отец семейства, — Кто позволил тебе использовать детей, как приманку? Почему ты не отправил мальчишек домой, как только узнал, что они из города?

— А почему я должен отвечать за чужих детей? — сразу сменил тактику Ворон, — Я выполняю свою работу охотника. Работать нянькой я не нанимался. Куда идут и чем занимаются чужие дети, меня волновать не должно.

Мужик насупился, но смолчал, потому Ворон продолжил:

— И тем не менее, я не оставил парней без присмотра, кормил, учил, оберегал. В моей группе они были под защитой двенадцати охотников, к тому же проводником у нас был ваш Тогур, он за парней и поручился. А то, как и почему они оказались в месте проведения охоты, лежит на совести их родителей, разве не так?

Желваки заиграли на лице голубоглазого, но он по-прежнему молчал. Потому пришлось продолжать снова Ворону:

— В законе нет ограничения по возрасту для охотников на Тварей. Есть лишь условие, что каждый охотник вступает на свой путь осознанно и добровольно. Никто парней не заставлял участвовать в охоте, они сами этого захотели.

— Убедить недоросля — дело нехитрое, — наконец, ответил Брут, — Посулил высокую награду, умолчал о риске — вот тебе и добровольцы!

— Как видишь, все целы. И награда — не вымысел.

Ворон кивнул на мешок.

— Ты мне зубы-то не заговаривай, — тише заговорил мастеровой, глаза его потемнели, а костяшки сжатых кулаков угрожающе хрустнули, — За Тварей изменённых столько не платят. Купить решил моих мальчиков?

— Повторяю: деньги — не мои, награду выдавал не я. И сыновей твоих я ни на что не уговаривал. Свою судьбу сыны решают сами. Это и тебя касается, — обернулся Ворон к стерегущему вход Годуру, — То, что ты получил от мага, на твои решения никак не влияет. И вообще не имеет значения, пока ты не станешь охотником.

Ворон твёрдо встретил взгляд тихо свирепеющего отца семейства и добавил:

— Мой отряд уходит в полдень. С парнями или без них.

Развернулся и ушёл.

Напряжённую тишину, повисшую в лавке, прервал густой и размеренный голос шорника.

— И чего ты в самом деле глаза пучишь, аки бык? Охотничья стезя почётна и прибыльна.

И сынам твоим давно её пророчили.

— Не нравится мне эта история, Гилан. Не платят столько за простых Тварей.

— Платят — не платят, а серебро — вот оно. И руку не жжёт. А ребят твоих сразу в отряд зовут — вот удача.

— Опасно дюже...

— Чай, не девок растишь! — чуть прихлопнул Гилан по вздрогнувшему столу ладонью, — Верно охотник сказал: свою судьбу сыны решают сами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.